

Дознание

– Шеннэн Куин!

– Я, командор.

– Вы являетесь свидетелем по делу, которое слушается в Космическом трибунале под моим председательством. При обращении ко мне следует употреблять слово «председатель», а членов трибунала полагается именовать «судьями». На вопросы членов трибунала вы должны отвечать незамедлительно, а на вопросы обвинения и защиты – только с разрешения трибунала. В своих показаниях вы можете основываться лишь на том, что сами видели и знаете по собственному опыту, а не на том, что слышали от третьих лиц. Вам понятны эти разъяснения?

– Да, председатель.

– Вас зовут Шеннэн Куин?

– Да.

– Однако в команду «Голиафа» вы были включены под другой фамилией?

– Да, председатель; это было одним из условия договора, который заключали со мной арматоры.

– Вы знали причины, по которым вам дали псевдоним?

– Я знал эти причины, председатель.

– Вы принимали участие в эллиптическом полете «Голиафа» в период с восемнадцатого по тридцатое октября текущего года?

– Да, председатель.

– Какие функции выполняли вы на борту?

– Я был вторым пилотом.

– Расскажите трибуналу, что произошло на борту «Голиафа» во время вышеупомянутого полета, а именно двадцать первого октября. Начните с данных, касающихся местонахождения корабля и поставленных перед вами задач.

– В восемь тридцать по бортовому времени мы пересекли внешний периметр спутников Сатурна на гиперболической скорости и начали торможение, которое продолжалось до одиннадцати. За это время мы сбросили гиперболическую и на удвоенной орбитальной нулевой начали маневр перехода на круговую орбиту, чтобы, находясь на ней, вывести искусственные спутники в плоскость кольца.

– Говоря об удвоенной нулевой, вы имеете в виду скорость пятьдесят два километра в секунду?

– Да, председатель. В одиннадцать кончилась моя вахта, но, поскольку при маневрировании приходилось непрерывно корректировать курс, я только поменялся местами с первым пилотом, который с этого момента вел корабль, тогда как я исполнял обязанности штурмана.

– Кто приказал вам так поступить?

– Командир, судья. Вообще-то это обычный порядок в таких условиях. Нашей целью было подойти как можно ближе на безопасное расстояние к границе Роша в плоскости кольца и оттуда, с почти круговой орбиты, поочередно запустить три зонда-автомата, которые потом надлежало дистанционным способом, управляя по радио, ввести в пределы сферы Роша. Один из зондов следовало вывести на орбиту внутри щели Кассини, то есть в пространство, отделяющее внутреннее кольцо Сатурна от внешнего, а остальные два предназначались для контроля за его движением. Может быть, нужно объяснить подробнее?

– Объясните.

– Слушаюсь, председатель. Оба кольца Сатурна состоят из мелких частиц и разделены щелью шириной около четырех тысяч километров. Искусственный спутник, движущийся в этой щели вокруг планеты, должен был доставить информацию о возмущениях гравитационного поля, а также об относительных внутренних движениях частиц, из которых состоят кольца. Но возмущения орбиты очень скоро вытолкнули бы такой спутник из этого свободного пространства – либо в зону внутреннего кольца, либо в зону внешнего, где его, конечно, стерло бы в порошок. Чтобы этого не произошло, мы должны были запустить два специальных спутника, имеющих собственную тягу на ионных двигателях – сравнительно маломощных, порядка одной четвертой – одной пятой тонны, и этим двум спутникам – «сторожам» предстояло с помощью радаров следить, чтобы тот, который движется по орбите внутри щели, не выходил из нее. Бортовые калькуляторы этих «сторожей» должны были рассчитывать необходимые поправки для орбитального спутника и соответствующим образом включать его двигатели. Это позволяло надеяться, что спутник будет работать, пока у него хватит горючего, то есть около двух месяцев.

– С какой целью предполагалось вывести на орбиту два контролирующих спутника? Не считаете ли вы, что хватило бы одного?

– Наверняка хватило бы, судья. Второй «сторож» был, попросту говоря, про запас; на случай, если первый подведет или будет уничтожен при столкновении с метеоритами. При астрономических наблюдениях с Земли пространство вокруг Сатурна – вне кольца и лун – кажется пустым, но в действительности оно порядком засорено. В таких условиях, разумеется, невозможно избежать столкновений с мелкими метеоритами. Именно поэтому нам надлежало поддерживать круговую орбитальную скорость – ведь практически все обломки вращаются в экваториальной плоскости Сатурна с его первой космической скоростью. Это уменьшало вероятность столкновения до приемлемого минимума. Кроме того, у нас на борту была противометеоритная защита в виде выстреливаемых экранов: ими можно выстрелить с пульта первого пилота или же это мог сделать соответствующий автомат, сопряженный с корабельным радаром.

– Считали ли вы это задание трудным или опасным?

– Оно не было ни слишком трудным, ни особенно опасным при условии, что все маневры будут проделаны четко и без помех. У нас считается, что окрестности Сатурна – это мусорная свалка, похуже чем возле Юпитера, но зато ускорения, которые требуются для маневра, там куда меньше, чем на юпитерской орбите, а это дает значительное преимущество.

– Кого вы имели в виду, говоря «у нас»?

– Пилотов...ну, и навигаторов.

– Одним словом, космонавтов?

– Да. Примерно в двадцать часов по бортовому времени мы подошли практически к внешней границе кольца.

– В его плоскости?

– Да. На расстояние около тысячи километров. Датчики уже там констатировали значительное запыление пространства. Корабль получал около четырехсот пылевых микроударов в секунду. В соответствии с программой мы вошли в сферу Роша над кольцом и с круговой орбиты, практически параллельной щели Кассини, начали выбрасывать зонды. Первый зонд мы выбросили в пятнадцать часов по бортовому времени и с помощью радарного пульсатора ввели его в щель. Это было как раз моей обязанностью. Первый пилот помогал мне, поддерживая минимальную тягу. Благодаря этому мы обращались практически с той же скоростью, что и кольца. Кальдер маневрировал очень умело. Он держал тягу именно на таком уровне, который позволял правильно ориентировать корабль – носом вперед. Без тяги сразу же начинается кувыркание.

– Кто, кроме вас и первого пилота, находился в рулевой рубке?

– Все. Вся команда. Командир сидел между мной и Кальдером, ближе к нему, потому что он так расположил свое кресло. За мной находились инженер и электронщик. Доктор Барнс сидел, кажется, за командиром.

– Вы в этом не уверены?

– Я не обратил на это внимания. Я был все время занят, да и вообще с кресла трудно оглядываться назад. Спинка слишком высока.

– Зонд был введен в щель визуально?

– Не только визуально. Я поддерживал с ним непрерывную телевизионную связь. Кроме того, я использовал радарный дальномер. Вычислив данные орбиты зонда, я удостоверился, что он посажен хорошо – примерно посередине между кольцами, – и сказал Кальдеру, что я готов.

- Сказали, что вы готовы?
- Да, к запуску следующего зонда. Кальдер включил лапу, люк открылся, но зонд не вышел.
- Что вы называете «лапой»?
- Гидравлический поршень, который выталкивает зонд из наружной катапульты после открытия люка. У нас на корме было три такие катапульты, и этот маневр следовало повторить трижды.
- Значит, второй по счету спутник не покинул корабля?
- Нет, он застрял в катапульте.
- Опишите подробно, что к этому привело.
- Очередность операций была такой: сначала открывается внешний люк, потом включается гидравлика, а когда индикаторы показывают, что спутник выходит, включается его стартовый автомат. Автомат дает зажигание с задержкой в сто секунд, чтобы при аварийной ситуации успеть его выключить. Автомат запускает малый бустер на твердом топливе, и спутник отходит от корабля на собственной тяге – порядка одной тонны в течение пятнадцати секунд. Нужно, чтобы он отошел от корабля-матки как можно быстрее. Когда бустер выгорает, автоматически включается ионный двигатель, находящийся под дистанционным управлением штурмана. В данном случае Кальдер уже включил автомат запуска, потому что спутник начал выдвигаться, а когда спутник вдруг застрял, он пытался выключить автомат, но это ему не удалось.
- Вы уверены в том, что первый пилот пытался выключить стартовый автомат зонда?
- Да, он возился с рукояткой, ее заклинило. Не знаю почему, но заряд все-таки сработал. Кальдер крикнул: «Блок!» – это я сам слышал.
- Он крикнул «блок!»?
- Да, что-то там заблокировалось. Оставалось еще полминуты до запуска бустера, так что Кальдер снова попытался вытолкнуть зонд, увеличив давление. Манометры показывали максимум, но зонд все равно сидел как приклеенный. Тогда Кальдер отвел поршень назад и толкнул его снова; мы все почувствовали, как он ударил в зонд – прямо будто молотом.
- Он старался таким путем вытолкнуть зонд?
- Да; возможно даже, что зонд при этом был бы уничтожен, поскольку Кальдер не наращивал нажим постепенно, а сразу дал полное давление в систему. Впрочем, он поступил вполне разумно – ведь запасной зонд у нас был, а запасного корабля не было.
- Это следует понимать как остроумие? Будьте любезны воздержаться от таких словесных упражнений.

– Значит, поршень ударил, но зонд не выскочил, а время шло, поэтому я крикнул: «Ремни!» – и пристегнулся на всю тягу. Кроме меня, то же самое крикнули по меньшей мере еще двое – один из них был командир, я узнал его по голосу.

– Объясните трибуналу, почему вы так поступили.

– Мы находились на круговой орбите над кольцом А и, значит, шли практически без тяги. Я знал, что, когда бустер сработает – а это было неизбежно, потому что стартер уже включился, – мы получим боковой удар струи и корабль начнет кувыркаться. Заклинился зонд на правом борту, обращенном к Сатурну. Значит, он должен был действовать как боковой отражатель. Я ждал кувырканий и центробежных эффектов, которые пилоту придется гасить собственной тягой корабля. В такой ситуации нельзя было заранее предвидеть, к каким маневрам придется прибегнуть. На всякий случай следовало хорошенько пристегнуться.

– Значит, во время вахты вы исполняли обязанности штурмана, отстегнув ремни?

– Нет, ремни не были отстегнуты совсем, просто ослаблены. Их можно в известной степени регулировать. Если пряжку затянуть полностью – у нас это называется «на всю тягу», – тогда свобода движений ограничивается.

– Вам известно, что устав не предусматривает никаких ослаблений и никакой регулировки ремней?

– Так точно, я знал, что в инструкции говорится другое, но так всегда делают.

– Что вы имеете в виду?

– Практически на всех кораблях, где я летал, регулировали застёжки на поясах, потому что это облегчает работу.

– Распространенность нарушения не оправдывает его. Продолжайте.

– Как я и ожидал, бустер зонда сработал. Корабль стал вращаться вдоль поперечной оси, и одновременно нас начало сносить с прежней орбиты – правда, очень медленно. Пилот уравнивал это двойное движение собственной боковой тягой корабля, но не полностью, то есть не до нуля.

– Почему?

– Я сам не был у штурвала, но думаю, что это было невозможно. Зонд заклинило в катапульте с открытым люком, через люк выходила часть газов двигателя зонда, эта струя, видимо, имела завихрения и поэтому была неравномерно. В результате боковые толчки то ослабевали, то усиливались, а из-за этого коррекция собственной тягой вызвала боковые маятниковые качания всего корпуса. А когда бустер отработал, началось гораздо более сильное кувыркание, с обратным знаком, и пилот не смог его погасить сразу – пока не понял, что хоть бустер и сдох, но зато включился ионный двигатель.

– «Бустер сдох»?

– Я хотел сказать, что пилот не был полностью уверен, сработает ли ионный двигатель – он ведь очень сильно ударил по зонду поршнем и мог повредить двигатель; да он, наверное, этого и добивался, я бы тоже так поступил. Но когда бустер погас, оказалось, что ионная тяга все же действует и мы снова получаем опрокидывающий боковой момент порядка четверти тонны. Не очень-то много, но на такой орбите хватит для кувыркания. Ведь у нас была круговая орбитная скорость, а при ней малейшие перепады ускорения колоссально влияют на траекторию и устойчивость полета.

– Как вели себя при этом члены команды?

– Совершенно спокойно. Конечно, все сознавали, как опасен момент зажигания бустера, – ведь там пороховой заряд весом в сто килограммов, и в таком полузамкнутом пространстве, которое образовалось в катапульте с заклинившимся зондом, он мог попросту детонировать, как бомба. Нам разворотило бы штирборт, как консервную банку. На наше счастье, до взрыва не дошло. А ионный двигатель такой опасности уже не представлял. Правда, тут возникло добавочное осложнение из-за того, что автомат включил сигнал пожарной тревоги и начал заливать пеной катапульту номер два. Ничего хорошего из этого выйти не могло – ионный двигатель пеной не погасишь, так что эту пену выбрасывало в открытый люк и, наверное, какая-то ее часть всасывалась в выходную дюзу и гасила тягу. Пока пилот не включил систему пеногасителей, мы несколько минут испытывали боковые толчки – не очень сильные, но, во всяком случае, затруднявшие стабилизацию.

– Кто включил систему гасителей?

– Автомат, когда датчики показали повышение температуры в обшивке штирборта сверх семисот градусов: это бустер нас так подогрел.

– Какие распоряжения или приказы давал командир за это время?

– Он не давал никаких распоряжений или приказов. Мне казалось, что он хочет посмотреть, как поступит пилот. В принципе у нас были две возможности: либо попросту отойти от планеты на возрастающей тяге и начать возвращение на гиперболу, отказавшись от выполнения задачи, либо же попробовать вывести на контрольную орбиту последний, третий спутник. Отход означал бы провал всей программы, потому что зонд, который уже находился в щели, наверняка разбился бы в результате дрейфа через несколько часов, не позже. Корректировать его траекторию снаружи зондом-«сторожем» было необходимо.

– Эту альтернативу, естественно, обязан был решить командир корабля?

– Председатель, я должен отвечать на этот вопрос?

– Ответьте на вопрос обвинения.

– Так вот, командир, конечно, мог отдавать распоряжения, но не обязан был это делать. В принципе пилот в определенных ситуациях уполномочен выполнять обязанности командира корабля согласно параграфу шестнадцатому бортовой инструкции,

поскольку часто случается, что командиру уже нет времени объясняться с людьми у руля.

– Однако в данных обстоятельствах командир мог отдавать приказы – ведь не было ни ускорения, препятствующего отдаче приказов вслух, ни прямой угрозы уничтожения корабля.

– В пятнадцать с минутами по бортовому времени пилот включил умеренную выравнивающую тягу...

– Почему свидетель игнорирует то, что я сказал? Прошу трибунал сделать свидетелю замечание и предложить ему отвечать на мои вопросы.

– Уважаемый трибунал, я должен отвечать на вопросы, а ведь прокурор не задал мне никакого вопроса. Прокурор только прокомментировал со своей точки зрения ситуацию, сложившуюся на корабле. Должен ли я в свою очередь комментировать эти комментарии?

– Прокурору следует сформулировать вопрос, адресованный свидетелю, а свидетель должен проявлять максимум доброй воли при даче показаний.

– Не считает ли свидетель, что в сложившейся ситуации командир обязан был принять конкретное решение и сообщить его пилоту в форме приказа?

– Прокурор, инструкция не предусматривает...

– Свидетель обязан обращаться только к трибуналу.

– Слушаюсь. Уважаемый трибунал, инструкция не предусматривает детально всех ситуаций, которые могут возникнуть на борту. Да это и невозможно. Если бы это было возможно, каждый член команды мог бы выучить инструкцию наизусть, и тогда командование вообще оказалось бы ненужным.

– Обвинение заявляет протест против подобного рода иронических замечаний свидетеля.

– Свидетель, ответьте кратко и прямо на вопрос прокурора.

– Слушаюсь. Так вот, я не считаю, что командир должен был в данной ситуации отдавать какие-то особые приказы. Он присутствовал, он видел и понимал, что происходит; если он молчал, это означало, что согласно двадцать второму параграфу бортовой инструкции он разрешает пилоту действовать по его собственному разумению.

– Уважаемый трибунал, свидетель извращенно трактует смысл двадцать второго параграфа бортовой инструкции, поскольку в данном случае применим параграф двадцать шестой, где речь идет об опасных ситуациях.

– Уважаемый трибунал, ситуация, которая сложилась на «Голиафе», не представляла опасности ни для корабля, ни для здоровья и жизни команды.

– Уважаемый трибунал, свидетель откровенно проявляет отсутствие доброй воли! Вместо того чтобы стремиться к установлению объективной истины, он пытается в своих показаниях любой ценой оправдать поведение обвиняемого Пиркса, который был командиром корабля! Ситуация, в которой оказался корабль, несомненно, относится к числу тех, на которые распространяется двадцать шестой параграф!

– Уважаемый трибунал, прокурор не может одновременно выступать в роли эксперта, который устанавливает фактическое положение вещей!

– Лишаю свидетеля слова. Трибунал откладывает решение вопроса о применимости параграфа двадцать второго или двадцать шестого бортовой инструкции до особого рассмотрения. Свидетель, сообщите, что происходило на корабле в дальнейшем.

– Кальдер, правда, не обращался к командиру ни с какими вопросами, но я видел, что он несколько раз посмотрел в его сторону. Тем временем тяга заклинившегося зонда выровнялась, и стабилизировать корабль было уже нетрудно. Добившись прочной стабилизации, Кальдер начал отдаляться от кольца, но не требовал от меня прокладки курса к Земле, из чего я заключил, что он все же попытается выполнить нашу задачу. Когда мы вышли из сферы Роша – примерно в шестнадцать часов, – Кальдер сигнализировал максимальную перегрузку и тут же попытался вытолкнуть зонд.

– То есть?

– Ну, он включил сигнал максимума перегрузок и сразу же вслед за тем дал сигнал «Полный назад!», а потом «Полный вперед!». Зонд весит три тонны; на полном ускорении он должен весить раз в двадцать больше. Он должен был вылететь из катапульты как пуля. Отойдя примерно на десять тысяч миль, Кальдер поочередно дал два таких удара тягой, но без всякого результата. Он добился только того, что боковой момент еще более увеличился. Видимо, в результате внезапных ускорений зонд, который еще крепче заклинился в катапульте, изменил положение, и теперь вся его газовая струя била в поднятую крышку наружного люка, отражалась от нее и уходила в пространство. Удары тягой были неприятны для команды и довольно опасны для корабля: ведь было ясно, что если зонд вообще выйдет, то прихватит с собой кусок наружной обшивки. Походило на то, что нам придется либо посылать людей в скафандрах и с инструментами на обшивку, либо возвращаться, таща с собой этот черт... прошу прощения, этот заклинившийся зонд.

– Пробовал ли Кальдер выключить двигатель зонда?

– Он не мог этого сделать, потому что кабель управления, соединяющий зонд с кораблем, был уже порван – следовательно, оставалось только радиоуправление, но ведь зонд торчал в самом зеве катапульты и экранировался ее металлической оболочкой. Мы шли примерно около минуты, удаляясь от планеты, и я уже был уверен, что Кальдер все-таки решил возвращаться; он выполнил несколько маневров, совершая так называемый «выход на звезду» – при этом нос корабля нацеливают на какую-либо звезду и дают переменную тягу. Если управление в порядке, звезда должна стоять в экране совершенно неподвижно. У нас, понятно, так не получилось, динамическая характеристика полета была изменена, и Кальдер пытался выяснить ее количественные параметры. После нескольких попыток ему все же удалось подобрать тягу, которая уравнивала боковой момент, и тогда он повернул обратно.

– Вы поняли в этот момент, каковы истинные намерения Кальдера?

– Да. Точнее говоря, я предполагал, что он все же захочет вывести на орбиту оставшийся на борту третий зонд. Мы снова спустились над плоскостью эклиптики со стороны Солнца, причем Кальдер работал прямо-таки блестяще; если б я не видел сам, то никогда бы не предположил, что можно с такой свободой управлять кораблем, в который как бы встроен не предусмотренный конструкцией боковой двигатель. Кальдер велел мне вычислить поправки курса и всю траекторию вместе с исправляющими импульсами для нашего третьего зонда. После этого у меня уже не оставалось никаких сомнений.

– Выполнили вы эти приказы?

– Нет. То есть я сказал ему, что не могу рассчитывать курс в соответствии с программой, коль скоро нам предстоит действовать иначе – мы ведь уже не могли строго придерживаться программы. Я затребовал у него дополнительные данные, потому что не знал, с какой высоты он намерен выводить на орбиту третий зонд, но он мне ничего не ответил. Возможно, он обратился ко мне только для того, чтобы таким путем информировать командира о своем намерении.

– Вы так полагаете? Но ведь Кальдер мог обратиться непосредственно к командиру.

– Возможно, он не хотел этого делать. А может, он как раз и был заинтересован в том, чтобы никто не подумал, будто он не знает, как следует действовать. Но не менее вероятно и то, что Кальдер хотел показать, какой он отличный пилот, коль скоро берется за выполнение таких задач, в которых навигатор, то есть я, не сможет ему помочь. Но командир никак на это не отреагировал, а Кальдер уже шел на сближение с кольцами. Тут мне это перестало нравиться.

– Попрошу вас говорить более конкретно.

– Слушаюсь. Я подумал, что попахивает рискованным маневром.

– Позволю себе обратить внимание уважаемого трибунала, что свидетель невольно подтвердил сейчас то, чего не хотел признать ранее: долгом командира было активно вмешаться в возникшую ситуацию. Следовательно, командир сознательно, с обдуманном намерением пренебрег своим долгом, подвергая тем самым корабль и команду трудно предсказываемым опасностям.

– Уважаемый трибунал, дело обстояло не так, как утверждает прокурор.

– Вам следует не полемизировать с обвинением, а давать показания, ограничиваясь описанием событий. Почему в тот момент, когда Кальдер начал возвращение на орбиту кольца – и только тогда, – вы сочли маневр рискованным?

– Возможно, я неточно выразился. Дело вот в чем: в подобных обстоятельствах пилот должен обратиться к командиру. Я-то на его месте наверняка бы так и сделал. Первоначальную программу мы уже не могли осуществить во всех деталях. Я думал, что Кальдер – раз уж командир предоставил ему инициативу – попробует запустить

третий зонд на большой дистанции, то есть не очень приближаясь к кольцу. Правда, при этом уменьшались шансы на успех, но это было возможно, а вместе с тем безопасно. И действительно, на малой скорости Кальдер приказал мне повторно рассчитать курс для спутника, наводимого импульсами с расстояния порядка тысячи – тысячи двухсот километров. Желая ему помочь, я начал рассчитывать этот курс; оказывалось, что величина получается примерно такого же порядка, как вся ширина щели Кассини. Следовательно, было пятьдесят шансов из ста за то, что зонд, вместо того чтобы выйти на орбиту контроля, пойдет либо к планете, либо наружу и разобьется о кольцо. Я сообщил Кальдеру эти результаты за неимением лучших.

– Ознакомился ли командир с результатами ваших вычислений?

– Он должен был их видеть, потому что цифры появлялись на индикаторе, который находился как раз над нашими пультами. Мы шли на малой тяге, и мне показалось, что Кальдер не может решить, что же делать. Он действительно зашел в тупик. Если б он теперь отступил, это означало бы, что он ошибся в расчетах, что интуиция его подвела. Пока он не повернул к планете, ему еще можно было делать вид, что он считает риск слишком большим и неоправданным. Но Кальдер уже продемонстрировал, что корабль управляем, несмотря на изменившуюся динамическую характеристику тяги, а кроме того, хоть он этого и не сказал, из последующих его маневров ясно было, что он все же попытается вывести зонд на орбиту. Мы шли на сближение, и я полагал, что он пытается несколько улучшить наши шансы – ведь они увеличивались с уменьшением расстояния. Но если б он этого добивался, то ему следовало уже начинать торможение, а он, наоборот, увеличил тягу. Только когда Кальдер это сделал, только в этот момент я подумал, что он собирается сделать нечто совсем иное, – а раньше мне это и в голову не приходило. Впрочем, это моментально поняли все.

– Вы утверждаете, что все члены команды осознали серьезность положения?

– Да. Сзади меня кто-то, сидевший у бакборта, в момент ускорения произнес: «Жизнь была прекрасна».

– Кто это сказал?

– Этого я не знаю. Может, инженер, а может, электронщик. Я не обратил внимания. Все это происходило в какие-то доли секунды. Кальдер включил сигнал максимума и дал сильную тягу, держа курс на пересечение с кольцом. Ясно было, что он хочет провести «Голиаф» через самый центр щели Кассини и по дороге «потерять» третий зонд, используя прием «вспугнутой птицы».

– Что это за прием?

– Так его иногда называют: корабль «теряет» зонд, вроде как вспугнутая птица теряет яйцо... Но командир запретил ему это.

– Командир запретил? Он отдал такой приказ?

– Так точно.

- Обвинение протестует. Свидетель искажает факты. Командир не отдавал такого приказа.
- Но командир действительно пытался отдать такой приказ, только не успел его полностью произнести. Кальдер, правда, дал предостережение о максимуме тяги, но всего за миг до начала маневра. Когда вспыхнул красный сигнал, командир ему крикнул, а он в тот же миг пошел на полную мощность. Под таким прессом, свыше четырнадцати g, уже невозможно произнести ни звука. Похоже, что Кальдер сознательно хотел зажать ему рот. Я не утверждаю, что он действительно этого хотел, но так оно выглядело. Нас сразу придавило так, что я совершенно ослеп, поэтому командир только успел крикнуть...
- Обвинение заявляет протест против формулировок, применяемых свидетелем. Вопреки собственной оговорке свидетель старается нам внушить, будто пилот Кальдер с заранее обдуманном намерением и злым умыслом пытался воспрепятствовать командиру корабля в отдаче приказа.
- Ничего подобного я не говорил.
- Лишаю свидетеля слова. Трибунал принимает протест обвинения. Вычеркните из протокола слова свидетеля, начиная с фразы: «Похоже, что Кальдер сознательно хотел зажать ему рот». Свидетель, будьте любезны воздержаться от комментариев и точно повторить то, что в действительности сказал командир.
- Ну, как я уже говорил, командир, собственно, не успел полностью сформулировать свой приказ, но смысл его был очевиден. Он запретил Кальдеру входить в щель Кассини.
- Обвинение протестует. Для фактической стороны дела имеет значение не то, что хотел сказать обвиняемый Пиркс, а лишь то, что он в действительности сказал.
- Трибунал принимает протест. Прошу свидетеля ограничиться тем, что было сказано в рулевой рубке.
- Было сказано достаточно, чтобы любой человек, являющийся профессиональным космонавтом, понял, что командир запрещает пилоту входить в щель Кассини.
- Свидетель, повторите эти слова. Трибунал сам решит, каков был их подлинный смысл.
- Я не помню самих слов, помню только их смысл. Командир крикнул что-то вроде: «Не иди сквозь кольцо!» – или, может быть: «Не насквозь!» – и дальше он уже говорить не мог.
- Однако ранее вы утверждали, что командир не произнес законченной фразы, а процитированные сейчас слова: «Не иди сквозь кольцо!» – составляют законченную фразу.
- Если бы в этом зале возник пожар и я бы крикнул: «Горит!» – это не была бы законченная фраза, поскольку в ней не сказано, что горит и где горит, но это было бы вполне понятным предостережением.

- Обвинение протестует! Прошу трибунал призвать свидетеля к порядку!
- Трибунал делает свидетелю замечание. В обязанности свидетеля не входит забавлять трибунал притчами и анекдотами. Прошу ограничиться фактической информацией о том, что происходило на борту.
- Слушаюсь. На борту происходило то, что командир возгласом запретил пилоту вводить корабль в щель...
- Обвинение протестует! Показания свидетеля тенденциозно искажают факты!
- Трибунал стремится быть снисходительным. Свидетель, вы должны понять, что целью судебного разбирательства является установление реальных фактов. Можете ли вы процитировать обрывок фразы, который произнес командир?
- Мы находились уже под большим ускорением. У меня наступил блэк-аут, я ничего не видел, но слышал возглас командира. Слова не были различимы, однако я понял, о чем шла речь. Тем более это предупреждение должен был слышать пилот – ведь он находился еще ближе к командиру, чем я.
- Защита просит повторно заслушать регистрирующие ленты из рулевой рубки – ту часть, которая относится к возгласу командира.
- Трибунал отклоняет просьбу защиты. Ленты уже были прослушаны, и было установлено, что степень искажения голоса дает возможность идентифицировать личность говорившего, но не позволяет установить содержание возгласа. По этому спорному вопросу трибунал примет особое решение. Прошу свидетеля рассказать, что произошло после возгласа командира.
- Когда ко мне вернулось зрение, мы шли наперерез кольцу. Датчики ускорения показывали два g. Скорость была гиперболической. Командир закричал: «Кальдер! Ты не выполнил приказа! Я запретил тебе входить в Кассини!», а Кальдер тотчас ответил: «Я этого не слышал, командир!»
- Однако же командир не приказал ему немедленно затормозить или повернуть?
- Это было невозможно. Мы шли на гиперболической порядка восьмидесяти километров в секунду. Не могло быть и речи о том, чтобы погасить такой разгон, не переходя гравитационного барьера.
- Что вы называете гравитационным барьером?
- Постоянное положительное или отрицательное ускорение порядка двадцати – двадцати двух гравитационных единиц. С каждой секундой полета сквозь кольцо требовалась все большая обратная тяга, чтобы затормозить. Сначала, видимо, около пятидесяти g, а потом, может, и сто. При таком торможении мы все погибли бы. Точнее, все люди на борту погибли бы.
- Технически корабль может развивать ускорение такого порядка?

– Да, может, но только если сорвать предохранители. «Голиаф» располагает атомным двигателем, который в максимуме рассчитан на тягу порядка десяти тысяч тонн.

– Прошу продолжать показания.

– «Ты хочешь уничтожить корабль?» – спросил командир вполне спокойным тоном. «Мы пройдем сквозь Кассини, и я заторможу на той стороне», – ответил Кальдер так же спокойно. Не успел еще окончиться этот разговор, как мы вошли в боковое вращение. Видимо, в результате внезапного скачка ускорения, с которого Кальдер начал прохождение щели, положение зонда в катапульте изменилось каким-то образом, и хотя боковой момент уменьшился, но поток газов шел теперь по касательной к корпусу, так что весь корабль вертелся как волчок по продольной оси. Сначала вращение было довольно медленное, но с каждой секундой ускорялось. Это было началом катастрофы. Кальдер невольно вызвал ее тем, что очень резко увеличил ускорение.

– Объясните трибуналу, почему, по вашему мнению, Кальдер увеличил ускорение?

– Обвинение заявляет протест. Свидетель пристрастен и, несомненно, ответит, как он уже заявлял, что Кальдер пытался принудить командира к молчанию.

– Я вовсе не это хотел сказать. Кальдеру не обязательно было увеличивать ускорение скачком, он мог сделать это постепенно, но большая тяга была все равно необходима, если он собирался войти в Кассини. В околосатурновом пространстве крайне трудно маневрировать, тут на каждом шагу сталкиваешься с математически не разрешимыми задачами о движении многих тел. Воздействие-самого Сатурна, массы его колец и ближайших спутников – все это, вместе взятое, создает поле тяготения, в котором невозможно одновременно учесть всю сумму возмущений. Вдобавок у нас был еще боковой момент со стороны зонда. При этих обстоятельствах мы двигались по траектории, которая была результатом воздействия множества сил: и собственной тяги корабля, и притяжения распределенных в пространстве масс. Так вот, чем большую тягу мы имели, тем меньше становилось влияние возмущающих факторов, потому что их величина была постоянной, а величина нашей скорости росла. Увеличивая быстроту движения. Кальдер делал нашу траекторию менее чувствительной к внешним возмущающим факторам. Я убежден, что проход ему удался бы, если бы не это внезапно возникшее боковое вращение.

– Вы считаете, что для полностью исправного корабля прохождение через щель было возможно?

– Ну, конечно. Это вполне возможный маневр, хоть его и запрещают все учебники космологии. Щель Кассини имеет ширину три с половиной тысячи километров; на обочинах ее полным-полно крупной ледяной и метеоритной пыли, которую визуально заметить, правда, нельзя, но в которой корабль, идущий на гиперболической, сгорит наверняка. Более или менее чистое пространство, через которое можно пройти, имеет километров пятьсот-шестьсот в ширину. На малых скоростях войти в такой коридор нетрудно, но при больших появляется гравитационный дрейф; поэтому Кальдер сначала тщательно нацелился носом в щель, а уж потом дал большую тягу. Если бы зонд не повернулся, все сошло бы гладко. По крайней мере, я так думаю. Конечно, был определенный риск – примерно один шанс из тридцати, – что мы врежемся в какой-нибудь одиночный обломок. Но тут начались эти продольные обороты.

Кальдер пытался их погасить, но это ему не удалось. Он очень упорно боролся. Это я должен признать.

– Кальдер не мог ликвидировать вращение корабля? Вы можете объяснить почему?

– Уже раньше, наблюдая за Кальдером во время вахт, я убедился, что он феноменальный вычислитель. Он очень полагался на свои способности делать молниеносные расчеты без помощи калькулятора. На гиперболической при этих наших обстоятельствах нам предстояло протиснуться сквозь игольное ушко. Индикаторы тяги были бесполезны – они ведь показывали только тягу «Голиафа» и не могли дать величину тяги зонда. Кальдер смотрел только на гравиметры и вел корабль исключительно по их показаниям. Это были прямо-таки математические состязания – между мозгом Кальдера и стремительно изменявшимися условиями полета. О способностях Кальдера можно судить по тому, что я едва успевал прочесть показания индикаторов, а он в то же время производил в уме вычисления, составляя дифференциальные уравнения четвертого порядка. Хотя я и считал предшествующее поведение Кальдера возмутительным, так как был уверен, что он услышал приказ командира и умышленно им пренебрег, но все же я им восхищался.

– Вы не ответили на вопрос трибунала.

– Я как раз приступал к ответу. Расчеты Кальдера, хоть он и делал их за доли секунды, могли быть только приближенными. Они не были идеально точными и не могли такими быть, даже если бы на месте Кальдера была лучшая в мире вычислительная машина. Размер ошибки, которую он не мог учесть, возрастал – и мы продолжали вращаться. Некоторое время мне казалось, что Кальдер все-таки справится; но он раньше меня понял, что проиграл, и выключил всю тягу. Мы вошли в полную невесомость.

– Зачем он выключил тягу?

– Он хотел пройти сквозь щель почти по прямой, но не мог погасить продольных оборотов корабля. «Голиаф» кружился как волчок и вел себя как волчок: сопротивлялся тяговой силе, которая стремилась установить его вдоль оси. Мы попали в прецессию: чем больше возрастала наша скорость, тем сильнее раскачивалась корма. В результате мы шли по сильно вытянутой винтовой, корабль раскачивало с боку на бок, а каждый из таких витков имел добрую сотню километров в диаметре. С такой траекторией мы могли запросто угодить в край кольца, а не в центр щели. Кальдер уже не мог ничего поделать. Он сел в воронку.

– Что это значит?

– Мы обычно так называем необратимые ситуации, в которые легко попасть, но из которых нет выхода. Дальнейший наш полет был уже совершенно непредсказуемым. Когда Кальдер выключил двигатели, я думал, что он просто отдается на волю случая. Цифры так и мигали в окошках индикаторов, но вычислять было уже нечего. Кольца сверкали так, что больно было смотреть, – они ведь состоят из ледяных глыб. Они кружились перед нами, как карусель, вместе со щелью, которая походила на черную трещину. В таких случаях время замедляется невероятно. Сколько я ни взглядывал на стрелки секундомера, мне все казалось, что они стоят на месте.

Кальдер начал стремительно отстегивать ремни. Я стал делать то же самое, так как догадался, что он хочет сорвать главный предохранитель перегрузок, расположенный на пульте, а в ремнях не может до него дотянуться. Имея в своем распоряжении полную мощность, он еще мог бы затормозить и уйти в пространство, только бы ему набрать эти самые сто g. Мы-то лопнули бы, как воздушные шарик, но он бы спас корабль – ну, и себя. Вообще-то я должен был уже раньше догадаться, что он не человек – ведь ни один человек не мог вычислять так, как он... но я лишь в тот момент это осознал. Я хотел его задержать, пока он не подошел к пульту, но он действовал быстрее меня. Он и должен был действовать быстрее. «Не отстегивайся!» – крикнул мне командир. А Кальдеру он крикнул: «Не трогай предохранитель!» Кальдер на это не обратил внимания, он уже встал. «Полный вперед!» – крикнул командир, и я выполнил приказ: ведь у меня был второй штурвал. Я не сразу ударил всей мощностью, а пошел на пять g, потому что не хотел убивать Кальдера – я только хотел рывком отбросить его от предохранителей, но он устоял на ногах. Это выглядело жутко: ведь ни один человек не устоит при пяти g». Он устоял, только схватился за пульт, кожу с ладоней у него сорвало, а он все держался, потому что под этой кожей была сталь. Тогда я дал сразу максимум. На четырнадцать g он оторвался, полетел назад с чудовищным грохотом, будто цельная глыба металла, промчался между нашими креслами, трахнулся о переборку так, что она затряслась и секурит вдребезги раскололся, а Кальдер издал совершенно ни на что не похожий крик, и я слышал за спиной, как он сзади катается, сокрушает переборки, как разрушает все, за что ни ухватится, но уже не обращал на это внимания, потому что щель раскрывалась перед нами; мы перли в нее напролом, с вращающейся кормой, и я снизил тягу до четырех g. Все решал теперь случай. Командир крикнул, чтобы я стрелял; тогда я начал выстреливать один за другим противометеоритные экраны, чтобы убрать перед носом обломки поменьше, если они появятся; экраны эти мало чего стоили, но все же лучше такая защита, чем никакая. Кассини был как огромная черная пасть, я видел огонь по носу, далеко, защитные экраны разворачивались и тут же сгорали, сталкиваясь с обломками ледяной пыли; возникали и мгновенно лопались громадные серебристые тучи невероятной красоты, корабль слегка трянуло, датчики по правому борту все вместе прыгнули; это был термический удар, мы задели за что-то, не знаю за что, – и оказались уже по ту сторону...

х х х

– Командор Пиркс?

– Да, это я. Вы хотели меня видеть?

– Безусловно. Спасибо, что пришли. Садитесь, пожалуйста...

Человек за столом нажал кнопку черного ящичка и сказал:

– Ближайшие двадцать минут я буду занят. Меня ни для кого нет.

Он выключил аппарат и пристально посмотрел на Пиркса.

– Командор, у меня есть для вас одно оригинальное предложение. Некий... – он искал подходящее слово – ...эксперимент. Однако предварительно я должен просить вас сохранить в тайне все, что я скажу. Также и в том случае, если вы отклоните мое предложение. Вы согласны?

Молчание длилось несколько секунд.

– Нет, – ответил Пиркс. И добавил: – Разве что вы расскажете мне об этом побольше.

– Вы не из тех, кто соглашается на что-либо вслепую? Собственно, я мог этого ожидать после всего, что я о вас слышал. Сигарету?

– Нет, спасибо.

– Речь идет об экспериментальном полете.

– Новый тип корабля?

– Нет. Новый тип команды.

– Команды? Какова же моя роль?

– Всесторонняя оценка ее пригодности. Это все, что я могу сказать. Теперь ваша очередь решать.

– Я буду молчать, если сочту это возможным.

– Возможным?

– Желательным.

– На основании каких критериев?

– Так называемой совести, с вашего разрешения.

Снова прошло несколько секунд. В большой комнате с окном во всю стену было тихо, словно она не находилась среди двух тысяч других комнат громадного небоскреба с тремя вертолетными посадочными площадками на крыше. Пиркс почти не различал собеседника: он видел его на фоне светящегося тумана, в котором тонули шестнадцать верхних этажей здания. Временами молочные клубы тумана сгущались за прозрачной стеной, и тогда казалось, что вся комната плывет куда-то, несомая неощутимой силой.

– Хорошо. Как видите, я согласен на все. Речь идет о рейсе Земля – Земля.

– Петля?

– Да. С облетом Сатурна и выводом там на стационарную орбиту новых автоматических спутников.

– Это ведь проект «Юпитер»?

– Да, один из элементов этого проекта, поскольку речь идет о спутниках. Корабль тоже принадлежит КОМСЕКу, так что все мероприятие проходит под опекой ЮНЕСКО. Как вам известно, я и представляю именно эту организацию. У нас есть, конечно, свои пилоты и навигаторы, однако мы выбрали вас, поскольку тут большую роль играет дополнительный фактор – та команда, о которой я уже упомянул.

Директор ЮНЕСКО вновь замолчал. Пиркс ждал, невольно прислушиваясь, но тишина была такая, будто ни малейший звук не раздавался в радиусе многих километров – а ведь вокруг был многомиллионный город.

– Как вам, наверное, известно, уже несколько лет существует возможность создавать устройства, все более широко заменяющие человека. Те из них, которые могут сравниться с человеком во многих областях сразу, были до сих пор – из-за своих размеров и веса – стационарными. Однако успехи физики твердого тела позволили осуществить, почти одновременно в СССР и Соединенных Штатах, следующий этап микроминиатюризации уже на молекулярном уровне. Созданы экспериментальные прототипы кристаллических систем, эквивалентных мозгу. Они все еще в полтора раза больше человеческого мозга, но это не имеет значения. Ряд американских фирм уже запатентовал такие конструкции, и в настоящее время собираются приступить к серийному выпуску человекоподобных автоматов, так называемых конечных нелинейников, прежде всего для обслуживания внеземных кораблей.

– Я слышал об этом. Но профсоюзы будто бы воспротивились? И потом, это потребовало бы, кажется, значительных изменений в существующем законодательстве?

– Вы об этом слышали? В прессе не было ни слова...

– Да. Но шли какие-то закулисные разговоры, переговоры, и слухи о них просочились в нашу среду. Это, я думаю, естественно.

– Конечно. Разумеется. Ну что ж, тем лучше, хотя... Каково же ваше мнение?

– По этому вопросу? Скорее отрицательное. Да, пожалуй, даже резко отрицательное. Боюсь, однако, что ничьи мнения тут не имеют существенного значения. Последствия открытий неумолимы – самое большее, можно на какое-то время затормозить их реализацию...

– Одним словом, вы считаете это неизбежным злом?

– Я бы это не так сформулировал. Я считаю, что человечество не готово к нашествию искусственных человекоподобных существ. Разумеется, наиболее важно – действительно ли они равны человеку? Я лично с такими никогда не встречался. Я не специалист, но те специалисты, которых я знаю, считают, что о настоящем равенстве, о полноценности не может быть и речи.

– Не предубеждены ли вы? Действительно, таково мнение многих специалистов; точнее, оно было таковым. Но, видите ли... фирмы руководствуются экономическими факторами. Рентабельностью производства.

– Иными словами – надеждой на прибыли?

– Да. То есть в данном случае федеральное правительство (я имею в виду Америку), равно как и правительства Великобритании и Франции, пока что не открыло частным фирмам доступа к этой документации, которая разработана институтами, финансируемыми государством. Но частные фирмы вполне могут восполнить пробелы в документации собственными силами – у них ведь есть свои исследовательские лаборатории.

– «Кибертроникс»?

– Не только. «Машинтреко», «Интельтрон» и другие. Так что в правительственных кругах этих государств многие опасаются последствий всего этого. Ведь частным фирмам безразлично, что у государства не хватает средств для массового переобучения людей, которые останутся без работы из-за наплыва нелинейников.

– Нелинейники? Странно. Я не встречал такого термина.

– Это просто жаргонное словечко, которым мы пользуемся. Все-таки лучше, чем «гомункулус» или «искусственный человек». Ведь это вообще-то не люди – ни искусственные, ни натуральные.

– В смысле неполноценности?

– Знаете ли, командор, я тоже не специалист в этой области, так что при всем желании не смогу вам ответить. Мои собственные предположения ничего ведь не стоят. Дело в том, что одним из первых потребителей новой продукции стал бы КОСНАВ.

– Но ведь это частное англо-американское предприятие?

– Именно поэтому. «Космикл навигэйшн» уже несколько лет переживает финансовые затруднения, потому что космонавтика социалистических стран, которую не ограничивают требования немедленной прибыли, представляет для этой компании сильнейшего конкурента – она берет на себя все большую часть грузооборота. Особенно на главных внеземных трассах. Вы, наверно, знаете об этом?

– Конечно. Я вовсе не огорчился бы, если б КОСНАВ обанкротился. Раз уж удалось интернационализировать космические исследования на базе ООН, так и с космонавтикой можно сделать то же самое. Мне, по крайней мере, так кажется.

– Мне тоже. Заверяю вас, что и я бы этого желал – хотя бы из должностных соображений. Но это дела грядущих дней. А пока, с вашего разрешения, ситуация такова, что КОСНАВ готов принять любое количество нелинейников для обслуживания своих рейсов – сначала только грузовых, – на пассажирских они боятся бойкота со стороны широкой общественности. Предварительные переговоры уже ведутся.

– И печать об этом молчит?

– Переговоры неофициальные. Вообще-то в некоторых газетах были упоминания, но КОСНАВ их опроверг. Формально они вроде и правы. В конце концов, командор, это

же настоящие юридические джунгли. По существу, они действуют в сфере, на которую не распространяются ни законы их стран, ни международные соглашения. Опять же и президент, приняв во внимание приближающиеся выборы, не будет пытаться провести через конгресс законы, которых домогается крупный интеллектуальный капитал, – он испугается бурной реакции профсоюзов. Так вот, перехожу наконец к делу: некоторые фирмы, предвидя возможные возражения печати, рабочего и профсоюзного движения и так далее, решили предоставить в наше распоряжение группу полупрототипов, чтобы мы исследовали их пригодность для обслуживания внеземных кораблей.

– Простите, кому же это «нам»? ООН? Это как-то странно выглядит.

– Ну, не прямо ООН, конечно. Нам – это значит ЮНЕСКО. Поскольку это организация, занимающаяся вопросами науки, культуры, просвещения...

– Простите меня, но я по-прежнему ничего не понимаю. Что общего имеют эти автоматы с просвещением или наукой?

– Но ведь нашествие – как вы сами выразились? – этих... псевдолюдей, фабрикующихся на конвейере, наверно, наиболее заметно во всех отношениях скажется именно в сфере общечеловеческой культуры. Дело не только в последствиях чисто экономических, в опасности безработицы и так далее, но и в воздействии психологическом, социальном, культурном. Впрочем, для полной ясности признаюсь, что мы приняли это предложение без особого энтузиазма. Дирекция сначала собиралась даже вообще его отвергнуть. Тогда эти фирмы выдвинули дополнительный довод: в качестве экипажа корабля нелинейники обеспечивают несравненно большую гарантию безопасности, чем команда, состоящая из людей. У них более быстрые реакции, практически отсутствует усталость и потребность в сне, они не подвержены болезням, обладают колоссальной избыточностью, которая позволяет им функционировать даже в случае серьезного повреждения, и вдобавок они не нуждаются ни в пище, ни в воздухе и могут выполнять задания даже в условиях разгерметизации или перегрева корабля и так далее. Ну, это, вы сами понимаете, очень серьезные аргументы – ведь на первый план выступают не прибыли каких-то там частных фирм, а безопасность кораблей и грузов. Тут уж, кто знает, возможно, даже ООН решилась бы на своих исследовательских кораблях...

– Понимаю. Но это очень опасный прецедент. Вы, наверно, отдадите себе в этом отчет?

– Почему опасный?

– Потому что примерно то же самое можно сказать и о других профессиях и функциях. В один прекрасный день могут уволить и вас, а в это кресло усядется робот.

Директор засмеялся не очень уверенно. Впрочем, он тут же стал серьезным.

– Видите ли... дорогой мой командор, мы, собственно, отошли от темы нашего разговора. Но что, по-вашему, можно сделать в создавшейся ситуации? ЮНЕСКО могла бы отвергнуть предложение этих господ, но это не изменит сути дела. Если их автоматы действительно так хороши, то раньше или позже за них ухватится КОСНАВ, а за ним пойдут другие.

– А что изменится, если ЮНЕСКО возьмет на себя роль технического контролера продукции этих фирм?

– Но позвольте... речь идет не о техническом контроле. Мы хотели... теперь уж я скажу все до конца... мы хотели предложить вам рейс с таким экипажем. Вы были бы командиром. За эти две-три недели вы смогли бы разобраться, чего они стоят. Тем более, подчеркиваю, что это разные модели, отличающиеся друг от друга. Мы просили бы вас по возвращении представить нам квалифицированное заключение по большому количеству пунктов (поскольку речь идет как о профессиональных аспектах, так и об иных – психологических): в какой мере эти автоматы приспосабливаются к человеку, насколько соответствуют его представлениям, возникает ли ощущение их превосходства или, наоборот, их психической неполноценности... Соответствующие отделы нашей организации снабдили бы вас и материалами, и анкетами, подготовленными видными учеными, психологами...

– И в этом состояло бы мое задание?

– Да. Вы не обязаны давать мне ответ сейчас же. Насколько мне известно, в данный момент вы не летаете?

– У меня шестинедельный отпуск.

– Тогда, скажем... может быть, вы обдумаете это за два дня?

– Еще два вопроса. Какие последствия будет иметь мое заключение?

– Оно будет решающим!

– Для кого?

– Для нас, разумеется. Для ЮНЕСКО. Я убежден, что, если дело дойдет до интернационализации космонавтики, ваше заключение представит собой важное подспорье для законодательных комиссий ООН, которые...

– Прошу прощения. Это дела грядущих дней, как вы сказали. Значит, для ЮНЕСКО, говорите? Но ведь ЮНЕСКО – это не фирма, не предприятие и не собирается, я надеюсь, сделаться рекламным бюро для каких-то фирм?

– Ну что вы! Конечно же, нет. Мы опубликуем ваше заключение в мировой прессе. Результаты, если они будут отрицательными, наверняка приостановят ход переговоров КОСНАВа с этими фирмами. И таким образом мы окажем влияние...

– Еще раз прошу прощения. А если результаты будут положительными, то мы не приостановим и не окажем влияния?

Директор хмыкнул, кашлянул и наконец усмехнулся.

– Говоря с вами, командор, я чувствую себя почти виновным. Словно у меня совесть нечиста... Ну разве ЮНЕСКО изобрела этих нелинейных роботов? Разве вся эта

ситуация – результат наших трудов? Мы стараемся действовать объективно, в интересах всех...

– Мне это не нравится.

– Командор, вы можете отказаться. Но согласитесь, что, если б мы все так поступили, это был бы жест Понтия Пилата. Легче всего умыть руки. Мы ведь не всемирное правительство и не можем никому запретить производство каких-либо машин. Это компетенция отдельных правительств – кстати, скажу я вам, они и пробовали запретить, были такие попытки, проекты, но ничего из этого не вышло! И церковь тоже ничего не добилась, а вы ведь знаете ее абсолютно негативную позицию в этом вопросе.

– Да. Короче, никому это не нравится, и все молча смотрят, как это происходит.

– Потому что нет юридических оснований для противодействия.

– А последствия? Да у этих фирм, у них самих, земля задрожит под ногами, когда они создадут такую безработицу, что...

– Тут я вынужден вас перебить. Конечно, то, что вы говорите, справедливо. Все мы этого опасаемся. Тем не менее, мы бессильны. Но все же не вполне бессильны. Мы можем провести хотя бы этот эксперимент. Вы предубеждены? Очень хорошо! Именно поэтому вы нам особенно подошли бы! Если вообще существуют какие-то контраргументы, вы изложите их наиболее убедительно!

– Я подумаю, – сказал Пиркс, вставая.

– Вы говорили еще о каком-то вопросе...

– Вы на него уже ответили. Я хотел знать, почему выбор пал на меня.

– Значит, вы дадите нам ответ? Прошу вас позвонить в течение двух дней. Идет?

– Идет, – сказал Пиркс, кивнул и вышел.

х х х

Платиновая блондинка-секретарша поднялась из-за стола, когда вошел Пиркс.

– Здравствуйте, я...

– Здравствуйте. Я в курсе дела, с вашего разрешения. Я сама вас провожу.

– Они уже здесь?

– Да, они ждут вас.

Она повела его по длинному пустому коридору; ее туфельки постукивали, как металлические костыльки. Холодный, каменный звук раздавался в огромном коридоре, выложенном искусственным гранитом. Мелькали темные прямоугольники дверей с алюминиевыми цифрами и табличками. Секретарша нервничала. Несколько раз она искоса поглядывала на Пиркса – это был не кокетливый, а испуганный взгляд. Когда Пиркс его заметил, он даже слегка пожалел девушку, но тут же ощутил, что все это – абсолютно сумасшедшая затея, и почти неожиданно для самого себя спросил:

– Вы их видели?

– Да. Очень недолго. Мельком.

– И какие же они?

– А вы их не видели?

Она почти обрадовалась. Как будто те, кто их хорошо знал, уже вступили в какую-то тайную, может быть и враждебную, организацию, которой ни в коем случае нельзя доверять.

– Их шестеро. Один со мной говорил. Совершенно не похож, знаете! Совершенно! Если б я его на улице встретила, никогда бы даже не подумала. Но когда я поближе присмотрелась, что-то у него такое в глазах... и здесь... – она притронулась к губам.

– А остальные?

– Они даже не вошли в комнату, стояли в коридоре.

Лифт помчал их вверх; золотистые зернышки огоньков, отсчитывающих этажи, усердно пересыпались в стене. Девушка стояла напротив Пиркса, и он мог по достоинству оценить те усилия, которые ей понадобились, чтобы при помощи губной помады, туши и грима лишить себя последних следов индивидуальности и временно превратиться в двойника Инды Ле или как еще там называли эту на новый манер взлохмаченную звезду нынешнего сезона. Когда ее веки затрепетали, Пиркс испугался за сохранность искусственных ресниц.

– Роботы... – сказала она грудным шепотом и вздрогнула, словно от прикосновения змеи.

В комнате на десятом этаже сидели шестеро мужчин.

Когда Пиркс вошел, один из них, заслонившийся огромным полотнищем «Геральд трибюн», сложил газету, встал и двинулся ему навстречу, широко улыбаясь. За ним встали и остальные.

Они были примерно одинакового роста и походили на летчиков-испытателей, переодетых в гражданское: плечистые, все в одинаковых, песочного цвета костюмах, в белых рубашках с цветными галстуками бабочкой. Два светлых блондина, один рыжий как огонь, остальные темноволосые, но у всех светлые глаза. Только это и успел заметить Пиркс, когда подошедший к нему человек, крепко встряхнув его руку, сказал:

– Меня зовут Мак-Гирр, рад вас видеть! Я имел удовольствие путешествовать однажды на корабле, которым вы командовали, на «Поллуксе»! Но вы, наверное, меня не помните...

– Нет, – сказал Пиркс.

Мак-Гирр повернулся к остальным, неподвижно стоящим вокруг газетного столика.

– Ребята, вот ваш начальник, командор Пиркс. А это ваш экипаж, командор: первый пилот Джон Кальдер, второй пилот Гарри Броун, инженер-ядерщик Энди Томсон, радист-электронщик Джон Бартон, а также нейролог, кибернетик и врач в одном лице – Томас Барис.

Пиркс поочередно пожал им руки, потом все уселись, придвинув к столу металлические стулья, прогибающиеся под тяжестью тела. Несколько секунд царила тишина, потом Мак-Гирр нарушил ее своим крикливым баритоном:

– Прежде всего я хотел поблагодарить вас, командор, от имени дирекции фирмы «Кибертроникс», «Интельтрон» и «Нортроникс» за то, что вы проявили такое доверие к нашим замыслам, приняв предложение ЮНЕСКО. Чтобы исключить возможность каких-либо недоразумений, я должен сразу пояснить, что некоторые из присутствующих появились на свет от папы с мамой, а некоторые – нет. Каждый из них знает о своем происхождении, но ничего не знает о происхождении других. Я обращаюсь к вам с просьбой не спрашивать их об этом. Во всем остальном вам предоставляется абсолютная свобода действий. Они наверняка будут добросовестно выполнять ваши приказы и проявят искренность и инициативу как в служебных, так и во внеслужебных отношениях. Однако их проинструктировали так, чтобы на вопрос «кто вы?» каждый отвечал одинаково: «Вполне обыкновенный человек». Я сообщаю об этом сразу, поскольку это будет не ложь, а необходимость, продиктованная общими нашими интересами...

– Значит, я не могу их об этом спрашивать?

– Можете. Конечно, можете. Но тогда у вас останется неприятное сознание, что некоторые из них говорят неправду, так не лучше ли от этого отказаться? Они всегда скажут одно и то же – что они обычные парни; но не во всех случаях это будет правда.

– А в вашем случае? – спросил Пиркс.

После мгновенной паузы все расхохотались. Громче всех смеялся сам Мак-Гирр.

– О! Ну и шутник вы! Я, что ж, я – всего лишь маленькая шестеренка в машине «Нортроникс»...

Пиркс, который даже не улыбнулся, ожидал, когда наступит тишина.

– Вам не кажется, что вы пытаетесь меня надуть? – спросил он наконец.

– Простите! Что вы имеете в виду? Ничего подобного! Условия предусматривали «новый тип команды». Там ни слова не говорилось о том, будет ли эта команда

однородной, ведь верно? Мы, знаете ли, попросту хотели исключить возможность некой... гм... чисто психологической, иррациональной предубежденности. Это же ясно! Ведь правда? Во время рейса и по его окончании, основываясь на полученных результатах, вы составите себе мнение обо всех членах команды. Дадите им всестороннюю оценку, в которой мы весьма и весьма нуждаемся. Мы только постарались создать условия, в которых вы сможете действовать с наибольшей, беспристрастной объективностью!

– Сердечно вам благодарен! – сказал Пиркс. – И все-таки я полагаю, что вы меня надули. Однако отказываться я не намерен.

– Браво!

– Я хотел бы еще прямо сейчас немножко побеседовать с моими... – он на мгновение заколебался, – ... людьми...

– Может, вы хотите определить их квалификацию? Впрочем, я вас не ограничиваю! Первый выстрел за вами! Пожалуйста.

Мак-Гирр достал из верхнего кармана пиджака сигару и, обрезав конец, начал ее раскуривать, а тем временем пять пар спокойных глаз внимательно смотрели на Пиркса. Блондины – они оказались пилотами – были слегка похожи друг на друга. Кальдер, однако, больше походил на скандинава, а его курчавые волосы казались сильно выгоревшими на солнце. Броун же был прямо-таки златокудрым, он слегка смахивал на херувимчика из журнала мод, но этот избыток красоты компенсировался твердым подбородком и бесцветными тонкими губами, постоянно кривящимися, будто в насмешливой гримасе. От левого их угла наискось через всю щеку шел белый шрам. На нем-то и остановился взгляд Пиркса.

– Отлично, – сказал он, будто с изрядным опозданием отвечая Мак-Гирру, и тем же тоном, словно бы нехотя, спросил мужчину со шрамом:

– Вы верите в бога?

Губы Бруна дрогнули, будто удерживая улыбку или гримасу. Он не сразу ответил. Вид у него был, как после недавнего и к тому же поспешного бритья: возле уха осталось несколько волосков, на щеках виднелись следы плохо стертой пудры.

– Это... не входит в мои обязанности, – ответил он низким, приятным голосом.

Мак-Гирр, который как раз затянулся сигарой, застыл, неприятно удивленный вопросом Пиркса, и, моргнув, бурно выдохнул дым, словно хотел сказать: «Ну, видал? Нашла коса на камень!»

– Броун, – тем же флегматичным тоном проговорил Пиркс, – вы не ответили на мой вопрос.

– Простите, командор. Я ответил, что это не входит в мои обязанности.

– Как ваш начальник я сам решаю, что входит в ваши обязанности, – отпарировал Пиркс.

На лице Мак-Гирра изображалось изумление. Остальные сидели неподвижно, с видимым вниманием прислушиваясь к этому разговору, – ну прямо как образцовые ученики.

– Если это приказ, – мягким, отчетливо модулированным баритоном ответил Броун, – то я могу лишь пояснить, что не занимался специально этой проблемой.

– В таком случае прошу продумать ее до завтрашнего дня. От этого будет зависеть решение вопроса о вашем пребывании на борту.

– Слушаюсь, командор.

Пиркс повернулся к первому пилоту Кальдеру, их взгляды встретились. Глаза Кальдера были почти бесцветными, – огромные окна комнаты отражались в них.

– Вы пилот?

– Да.

– Ваш стаж?

– Полный курс двойного пилотажа и двести девяносто одиночных часов в пространстве на малом тоннаже, десять самостоятельных посадок, в том числе четыре на Луне, две на Марсе и Венере.

Пиркс, казалось, пропустил этот ответ мимо ушей.

– Бартон, – обратился он к следующему, – вы электронщик?

– Да.

– Сколько рентген вы можете вынести в течение часа?

Губы Бартона дрогнули. Это нельзя было даже назвать улыбкой. Она тотчас исчезла.

– Думаю, что примерно четыреста, – сказал он. – Самое большее. Но потом пришлось бы лечиться.

– Не больше чем четыреста?

– Не знаю, но, пожалуй, что нет.

– Откуда вы родом?

– Из Аризоны.

– Болели?

– Нет. Во всяком случае, ничего серьезного.

– Зрение хорошее?

– Хорошее!

Пиркс, собственно, не слушал того, что они говорили. Он скорее интересовался звуком голоса, его модуляциями, тембром, движением губ, выражением лица и временами питал бессмысленную надежду, что все происходящее – лишь идиотская шутка, блеф, что над ним хотят позабавиться, поиздеваться над его наивной верой во всемогущество техники. Или, может, наказать его за эту веру? Ведь это же были самые обычные люди, правильно говорила секретарша – вот что значит предубеждение! Она и Мак-Гирра приняла за одного из них...

Разговор был пока что пустой, если б не эта не слишком-то умная придумка насчет господ бога. Наверняка не слишком умная, скорее даже примитивная и безвкусная. Пиркс это отлично чувствовал, он считал себя ограниченной тупицей, только из-за своей тупости он и согласился...

Все смотрели на него, как и прежде, но ему почудилось, что рыжий Томсон и оба пилота сделали слишком уж равнодушные мины, словно не хотели показать, что насквозь видят его примитивную душу рутинера, совершенно выбитого сейчас из привычного равновесия. Он хотел спрашивать дальше – тем более что молчание, уже начинавшее затягиваться, оборачивалось против него, становилось доказательством его беспомощности, – он попросту не мог ничего придумать. Уже не благоразумие, а отчаяние подсказывало ему, что надо сделать нечто диковинное, полубезумное, но Пиркс отлично знал, что ничего такого не сделает. Он чувствовал, что осрамился, – надо было отказаться от этой встречи. Он посмотрел на Мак-Гирра.

– Когда я могу подняться на корабль?

– О, в любое время, хоть сегодня.

– Как обстоит с санитарным контролем?

– Об этом, пожалуйста, не беспокойтесь. Все уже улажено.

Инженер отвечал почти снисходительно – так, по крайней мере, показалось Пирксу.

«Не умею я с достоинством проигрывать», – подумал он. А вслух сказал:

– Тогда все. Кроме Броуна, все могут считать себя членами команды. Броуна прошу ответить мне завтра на вопрос, который я ему задал. Марк-Гирр, бумаги, которые я должен подписать, у вас?

– Да, но не здесь. В директорате. Пройдемте туда?

– Хорошо.

Пиркс встал. Все встали вслед за ним.

– До свиданья, – он кивнул им и вышел первым.

Инженер догнал его около лифта.

– Вы недооценили нас, командор...

К нему уже вернулось хорошее настроение.

– Как это надо понимать?

Лифт пошел вниз. Инженер осторожно поднес сигару к губам, стараясь не стряхнуть серый столбик пепла.

– наших парней не так-то легко отличить от... обычных.

Пиркс пожал плечами.

– Если они сделаны из того же материала, что и я, – сказал он, – то это люди, а появились они с помощью какого-то искусственного оплодотворения в пробирке или более обычным путем, это меня совершенно не касается.

– О нет, они не из того же материала!

– Из какого же?

– Прошу прощения, но это производственный секрет.

– Кто вы, собственно, такой?

Лифт остановился. Инженер открыл дверь, но Пиркс не пошевелился. Он ждал ответа.

– Вас интересует, не конструктор ли я? Нет. Я работаю в отделе коммерческих связей.

– И вы достаточно компетентны, чтобы ответить мне на несколько вопросов?

– Разумеется, но, надеюсь, не здесь?

Та же секретарша проводила их в конференц-зал. У длинного стола в идеальном порядке стояли два ряда кресел. Они уселись с краю, там, где лежала папка с договором.

– Слушаю вас, – сказал Мак-Гирр. Пепел свалился ему на брюки, он сдул его. Пиркс заметил, что глаза у Мак-Гирра налиты кровью, а зубы чрезмерно ровные.
«Искусственные, – подумал он. – Старается выглядеть помоложе».

– Скажите, эти, которые... не люди, ведут себя как люди? Они едят? Пьют?

– Да.

– Зачем?

- Чтобы иллюзия была полной. Для окружающих, разумеется.
- Но тогда они должны потом от этого... избавляться?
- Ну конечно.
- А кровь?
- Простите, не понял.
- У них есть кровь? Сердце? Если они поранятся, пойдет кровь?
- У них есть... имитация крови и сердца, – осторожно подбирая слова, ответил Мак-Гирр.
- Как это понимать?
- Ну, только хороший врач-специалист после всестороннего обследования смог бы понять...
- А я – нет?
- Нет. Конечно, если не применять каких-нибудь специальных методов.
- Рентген?
- Вы сообразительны! Но у вас на борту не будет такой аппаратуры.
- Чувствуется непрофессиональный подход, – сказал Пиркс. – Я могу получить из реактора сколько угодно изотопов, ну и, кроме того, на борту должны быть аппараты для дефектоскопии; значит, рентген мне вовсе не понадобится.
- Мы не возражаем против этой аппаратуры, если только вы обяжетесь не употреблять ее ни для каких других целей.
- А если я не соглашусь?

Мак-Гирр вздохнул и, раздавив сигару в пепельнице, словно он почувствовал к ней внезапное отвращение, сказал:

- Командор... вы изо всех сил стараетесь затруднить нашу задачу.
- Это верно! – признался Пиркс. – Значит, у них может идти кровь?
- Да.
- И это действительно кровь? Даже под микроскопом?
- Да, это кровь.
- Как же вы это сделали?

– Впечатляюще, верно? – Мак-Гирр широко ухмыльнулся. – Могу сказать вам только в самых общих чертах: принцип губки. Специальной подкожной губки.

– Это человеческая кровь?

– Да.

– Зачем?

– Уж, конечно, не затем, чтобы провести вас. Поймите, ведь не для вас запустили производство стоимостью в миллиарды долларов. Они должны так выглядеть, должны быть такими, чтобы ни при каких обстоятельствах никому из пассажиров или других людей и в голову не пришло бы заподозрить...

– Речь идет о том, чтобы избежать бойкотирования вашей «продукции»?

– И об этом тоже. Ну, и об удобствах, разумеется, о психологическом комфорте...

– А вы сами их различаете?

– Только потому, что я их знаю. Ну... есть способы... грубые... но ведь не станете же вы пользоваться топором!

– Скажите, а чем они отличаются от людей в физиологическом смысле? Дыхание, кашель, румянец...

– О, это все удалось сделать. Конечно, есть различия, но я уже говорил вам: разобраться в этом мог бы только врач.

– А что касается психики?

– Мозг у них в голове! Это наше величайшее достижение! – сказал Мак-Гирр с откровенной гордостью. – «Интельтрон» до сих пор помещал его в корпусе, из-за размеров. Мы первые перенесли его в голову!

– Скажем, вторые; первой была природа...

– Ха-ха! Ну, значит, вторые. Но детали – это секрет. Мозг представляет собой монокристаллический мультистат с шестнадцатью миллиардами двоичных элементов.

– А на что способны нелинейники – это тоже секрет?

– Что вы имеете в виду?

– Например, то, что они умеют лгать. В каких пределах они могут лгать?.. Могут ли они потерять контроль над собой и, следовательно, над обстановкой?..

– Да. Все это возможно.

– Почему?

– Потому что это неизбежно. Все, образно говоря, тормоза, вводимые в нейтронную или кристаллическую систему, – все они относительны, их можно снять или ослабить. Я говорю это потому, что вы должны знать правду. Впрочем, если вы хоть немного знакомы с литературой по этому вопросу, то вам известно, что робот, который был бы в умственном отношении равен человеку и в то же время не мог бы лгать и обманывать, – чистейшая фикция! Либо полноценная копия человека, либо марионетка – ничего другого создать нельзя. Третьего не дано.

– Существо, способное на поступки определенного уровня сложности, уже тем самым способно и на другие поступки того же уровня, так?

– Да. Конечно, это нерентабельно. По крайней мере – пока. Психическая полноценность, не говоря даже о внешнем человекоподобии, стоит чудовищно дорого. Модели, которые вы получили, изготовлены в очень малом количестве экземпляров потому, что они нерентабельны. Стоимость любой из них больше стоимости сверхзвукового бомбардировщика!

– Вот оно как!

– Включая, разумеется, стоимость всех предварительных исследований. Для рынка мы, может быть, сумеем изготавливать эти автоматы на конвейере и даже попытаемся усовершенствовать их, хотя это, пожалуй, уже невозможно. Вам мы даем лучшее из того, что имеем. Поэтому потеря самообладания, какой-нибудь нервный срыв хотя и не исключен в принципе, но менее вероятен у них, чем у человека в аналогичной ситуации.

– Такие опыты проводились?

– Конечно!

– И люди служили контрольными образцами?

– Бывало и так.

– Катастрофические ситуации? Угроза уничтожения?

– Именно это.

– А результаты?

– Люди менее надежны.

– А как у них с агрессивностью?

– Вас интересует их отношение к человеку?

– Не только.

– Можете быть спокойны. У них имеются специально встроенные ингибиторы, так называемые устройства обратного разряда, как бы амортизирующие агрессивные потенциалы.

– Всегда?

– Нет, это невозможно. Мозг – система вероятностная, наш с вами – тоже; можно увеличить вероятность определенных состояний, но никогда нельзя быть вполне уверенным. И все же – они и в этом превосходят человека!

– А что произойдет, если я попытаюсь проломить кому-нибудь из них голову?

– Он будет защищаться.

– И будет стараться убить меня?

– Нет, он ограничится самообороной.

– А если единственно возможной обороной будет нападение?

– Тогда он нападет на вас.

– Давайте ваш договор, – сказал Пиркс.

Перо заскрипело в тишине. Инженер сложил бланки и спрятал в папку.

– Вы возвращаетесь в Штаты?

– Да, завтра.

– Можете сообщить своему начальству, что я постараюсь выжать из них самое худшее, – сказал Пиркс.

– Разумеется! Именно на это мы и рассчитываем! Потому что даже в этом худшем они все же лучше, чем человек! Только вот...

– Вы хотели что-то сказать?

– Вы смелый человек, командор. Но... в ваших собственных интересах... советую вам быть осторожным.

– Чтобы они за меня не взялись? Пиркс невольно усмехнулся.

– Нет. Чтобы вам же не пришлось расплачиваться. Потому что прежде всего первыми сдадут люди. Обыкновенные, хорошие, честные парни. Понимаете?

– Понимаю, – ответил Пиркс. – Мне пора. Я должен еще сегодня принять корабль.

– У меня здесь на крыше вертолет, – сказал Мак-Гирр, поднимаясь. – Вас подбросить?

– Нет, спасибо. Поеду в метро. Не люблю рисковать, знаете... Значит, вы сообщите своему начальству, какие у меня коварные намерения?

– Если вам угодно.

Мак-Гирр искал в кармане очередную сигару.

– Должен сказать, что вы ведете себя довольно странно. Чего вы, собственно, от них хотите? Это не люди, никто этого не утверждает. Это отличные специалисты и притом действительно порядочные парни. Уверю вас! Они для вас все сделают!

– Я постараюсь, чтобы они сделали еще больше, – ответил Пиркс.

х х х

Пиркс в самом деле не спустил Броуну истории с господом богом и нарочно позвонил ему на следующий день; в ЮНЕСКО ему сообщили номер телефона, по которому он мог найти своего пилота. Пиркс даже узнал его голос, когда набрал этот номер.

– Я ждал вас, – сказал Броун.

– Ну, и как вы решили? – спросил Пиркс. У него при этом была странная тяжесть на сердце. Куда легче было подписывать бумаги Мак-Гирра. Тогда ему казалось, что он справится. Теперь он уже не был так уверен в этом.

– У меня было мало времени, – сказал Броун своим ровным, приятным голосом. – Поэтому я могу сказать одно: меня учили вероятностному подходу. Я вычисляю шансы и на этом основании действую. В данном случае – девяносто девять процентов за то, что «нет»... может быть, даже девяносто девять и девять десятых... но одна сотая шанса за то, что «да».

– Что бог есть?

– Да.

– Хорошо. Можете явиться вместе с остальными. До встречи.

– До свиданья, – ответил мягкий баритон, и телефон звякнул, разъединяясь.

Неизвестно почему. Пиркс припомнил этот разговор, когда ехал на ракетодром. Кто-то уже уладил все формальности в капитанате – может, ЮНЕСКО, а может, фирмы, которые «изготовили» для него команду. Во всяком случае, не было обычного санитарного контроля и никто не проверял документы его «людей», а старт был назначен на два сорок пять, то есть на такой час, когда движение наименьшее. Три больших ракетных спутника для Сатурна уже находились в люках. «Голиаф» был кораблем среднего тоннажа – каких-нибудь шесть тысяч тонн массы покоя, – но сошел он со ступеней всего два года назад и имел высокоавтоматизированное хозяйство. Его реактор на быстрых нейтронах занимал десять кубических метров, то есть

всего ничего, но был совершенно лишен всяких тепловых колебаний, а номинальная мощность у него была сорок пять миллионов лошадиных сил. И семьдесят миллионов в максимуме – для кратковременных ускорений.

По существу, Пиркс ничего не знал о том, что делали его «люди» в Париже, – жили они в гостинице или какая-нибудь фирма сняла им комнаты (у него даже мелькнула гротескная, жутковатая мысль, что, может, инженер Мак-Гирр как-то «повыключал» их и на эти два дня уложил в ящики). Он не знал даже, как они добрались до ракетодрома.

Они ждали его в отдельной комнате в капитанате, и у всех были с собой чемоданы, какие-то свертки и маленькие несессеры с болтающимися на ручках именными табличками. Пирксу, когда он взглянул на эти несессеры, невольно полезли в голову всякие дурацкие шуточки вроде того, что у них там, наверно, французские гаечные ключи, и туалетные масленки, и тому подобное. Но ему было вовсе не до смеха, когда, поздоровавшись с ними, он предъявил в капитанате полномочия и бумаги, необходимые для подтверждения стартовой готовности, а потом, за два часа до назначенного времени, они вышли на плиты, освещенные единственным прожектором, и гуськом двинулись к белому как снег «Голиафу». Он слегка напоминал огромную, свежераспакованную сахарную голову.

Старт не представлял трудностей. «Голиаф» можно было поднять почти без всякой помощи – стоило лишь ввести программы во все автоматические и полуавтоматические устройства. Не прошло и получаса, а они уже оставили за собой ночное полушарие Земли с фосфорической россыпью городов; тогда Пиркс глянул на экраны. Великолепное это зрелище – когда Солнце на рассвете насквозь прочесывает лучами атмосферу и она пылает, словно исполинский радужный серп, – Пиркс наблюдал из космоса уже не раз, но оно ему еще ничуть не приелось. Несколько минут спустя, пройдя мимо последнего навигационного спутника, пробравшись сквозь сплошной писк и щебет сигналов, которыми были битком набиты работающие информационные машины (Пиркс называл их «электронной бюрократией космоса»), они поднялись над плоскостью эклиптики. Тогда Пиркс велел первому пилоту оставаться у штурвала, а сам отправился в свою каюту. Не прошло и десяти минут, как он услышал стук в дверь.

– Войдите!

Вошел Броун. Он старательно закрыл дверь, подошел к Пирксу, сидевшему на койке, и негромко сказал:

– Я хотел бы с вами поговорить.

– Пожалуйста. Садитесь.

Броун опустился на стул, но, видимо, расстояние, их разделявшее, показалось ему слишком большим, он придвинулся поближе, некоторое время молчал, опустив голову, потом вдруг посмотрел прямо в глаза Пирксу и сказал:

– Я хочу вам кое-что сообщить. Но я вынужден просить вас сохранить это втайне. Дайте мне слово, что никому этого не расскажете.

Пиркс поднял брови.

– Тайна?

Он подумал несколько секунд.

– Хорошо, даю вам слово, что я не расскажу никому, ни единой живой душе, – ответил он наконец. – Слушаю вас.

– Я человек, – сказал Броун и остановился, глядя Пирксу в глаза, словно хотел проверить, какой эффект произведут эти слова.

Но Пиркс, полуприкрыв веки и опершись затылком о стену, выложенную белым пенопластом, не пошевелился.

– Я говорю это потому, что хочу вам помочь, – снова заговорил Броун, будто произнося заранее обдуманную речь. – Когда я предлагал свои услуги, я не знал, о чем идет речь. Таких, как я, было, наверно, много, но нас принимали по отдельности, чтобы мы не могли познакомиться и даже увидеть друг друга. О том, что мне, собственно, предстоит, я узнал, лишь когда был окончательно выбран, после всех полетов, проб и тестов. Мне пришлось тогда обещать, что я абсолютно ничего не расскажу. У меня есть девушка, мы хотим пожениться, но были финансовые трудности, а эта работа меня просто необыкновенно устраивала, потому что мне дали сразу восемь тысяч, а другие восемь я должен получить по возвращении из рейса, независимо от его результатов. Я вам все рассказываю, как было, чтобы вы знали, что я в этом деле чист. Правду говоря, я сначала не осознал, какая ставка будет в этой игре. Диковинный эксперимент, только и всего – так я вначале думал. А потом мне это начало все меньше нравиться. В конце концов, должна же быть какая-то элементарная общечеловеческая солидарность. Что же мне, молчать вопреки интересам людей? Я решил, что не имею права. Разве вы не так думаете?

Пиркс продолжал молчать, поэтому Броун вновь заговорил, но менее уверенно:

– Из этой четверки я не знаю никого. Нас все время держали порознь. У каждого была отдельная комната, отдельная ванная, свой гимнастический зал, мы не встречались даже во время еды, только последние три дня перед выездом в Европу нам разрешили есть вместе. Поэтому я не могу вам сказать, который из них человек, а который нет. Ничего определенного я не знаю. Однако подозреваю...

– Минуточку, – прервал его Пиркс. – Почему на мой вопрос насчет бога вы ответили, что размышления на эту тему не входят в ваши обязанности?

Броун поерзал на стуле, шевельнул ногой и, глядя на носок ботинка, которым чертил по полу, тихо ответил:

– Потому что я уже тогда решил вам все рассказать и... знаете, как это бывает: на воре шапка горит. Я боялся, как бы Мак-Гирр не догадался ненароком о моем решении. Поэтому, когда вы меня спросили, я ответил так, чтобы ему показалось, будто я намерен торжественно хранить тайну и наверняка не помогу вам

разгадать, кем я в действительности являюсь.

– Значит, вы нарочно так отвечали, из-за присутствия Мак-Гирра?

– Да.

– А вы верите в бога?

– Верю.

– И думали, что робот не должен верить?

– Ну да.

– И что, если б вы сказали «верю», было бы легче догадаться, кто вы на самом деле?

– Да. Именно так и было.

– Но ведь и робот может верить в бога, – помолчав, сказал Пиркс небрежно, словно мимоходом, так что Броун даже глаза вытаращил.

– Как вы сказали?

– А вы считаете, что это невозможно?

– Никогда мне это в голову не пришло бы.

– Ладно, пока хватит. Это – сейчас, по крайней мере, – не имеет значения. Вы говорили о каких-то своих подозрениях...

– Да. Мне кажется, что этот темный... Барнс – не человек.

– Почему вам так кажется?

– Это все мелочи, почти неуловимые, но в сумме они что-то дают... Прежде всего – когда он сидит или стоит, он совсем не шевелится. Как статуя. А вы же знаете, ни один человек не может долго находиться в совершенно неизменной позе. Когда ему становится неудобно, нога затечет, он невольно пошевелится, переступит с ноги на ногу, проведет рукой по лицу, а Барнс прямо застывает.

– Всегда?

– Нет. Вот именно – не всегда. Это мне и показалось особенно подозрительным.

– Почему?

– Я вот думаю, что он делает эти незаметные, словно бы невольные движения, когда специально о них думает, а как забудет – так застывает. А у нас-то как раз наоборот: мы именно должны сосредоточиться, чтобы какое-то время сохранять неподвижность.

– В этом что-то есть. Что еще?

– Он все ест.

– Как это «все»?

– Все что дают. Ему абсолютно все равно. Я это уже много раз подмечал: и во время путешествия, когда мы летели через Атлантику, и еще в Штатах, и в ресторане на аэродроме – он совершенно равнодушно ест все что подадут, а ведь у каждого человека обычно есть какие-то вкусы, чего-то он не любит.

– Это не доказательство.

– О нет, безусловно, нет. Но вместе с первым, знаете ли... И потом еще одно.

– Ну?

– Он не пишет писем. В этом я уже не на все сто процентов уверен, но я, например, сам видел, как Бартон опускал письмо в почтовый ящик.

– А вам разрешается писать письма?

– Нет.

– Я вижу, вы тщательно соблюдаете условия договора, – проворчал Пиркс. Он выпрямился на койке и, придвинув лицо к лицу Броуна, неторопливо спросил: – Почему вы нарушили данное вами слово?

– Как? Что вы сказали?! Командор!

– Вы же дали слово, что сохраните свою подлинную сущность в тайне.

– А! Да. Я дал слово. Однако я полагаю, что существуют такие ситуации, когда человек не только имеет право, но даже обязан так поступить.

– Например?

– Именно сейчас такая ситуация. Они взяли металлических кукол, оклеили их пластиком, подрумянили, перетасовали с людьми, как крапленые карты, и хотят заработать на этом большие денежки. Я считаю, что каждый порядочный человек поступил бы так же, как я, – а разве больше никто не обращался к вам?

– Нет. Вы первый. Но мы ведь только что стартовали... – сказал Пиркс. Произнес он это совершенно равнодушно, однако замечание его не лишено было иронии, но Броун, даже если и заметил это, ничем себя не выдал.

– Я постараюсь и в дальнейшем помогать вам в течение всего рейса... И я сделаю со своей стороны все, что вы сочтете нужным.

– Зачем?

Броун удивленно заморгал кукольными ресницами.

– Как это – зачем? Чтобы вам легче было отличить людей от нелюдей.

– Броун, вы же взяли эти восемь тысяч.

– Да. Ну и что? Меня наняли как пилота. Я и есть пилот. И вдобавок неплохой.

– По возвращении вы возьмете остальные восемь за две недели полета? За такой рейс никому не дают шестнадцать тысяч – ни командиру, ни пилоту первого космического класса, ни навигатору. Никому. Значит, эти деньги вы получили за молчание. По отношению ко мне, по отношению ко всем другим – хотя бы к конкурирующим фирмам Вас хотели уберечь от любых искушений.

На красивом лице Броуна выразилось полное смятение.

– Так вы меня еще и попрекаете тем, что я сам пришел и рассказал?!

– Нет. Ничем я вас не попрекаю. Вы поступили так, как сочли правильным. Какой у вас КИ?

– Коэффициент интеллектуальности? Сто двадцать.

– Этого достаточно, чтобы разбираться в некоторых элементарных вещах. Ну, скажите, какая мне, собственно, будет польза от того, что вы поделились со мной своими подозрениями насчет Барнса?

Молодой пилот встал.

– Командор, прошу прощения. Если так – произошло недоразумение. Я хотел как лучше. Но раз вы считаете, что я... словом, прошу вас об этом забыть... Только помните...

Он замолчал, увидев усмешку Пиркса.

– Садитесь. Да садитесь вы! Ну!

Броун сел.

– Что ж вы не договариваете? О чем я должен помнить? Что обещал никому не сообщать о нашем разговоре? Верно? Ну а если я в свою очередь решу, что имею право о нем сообщить? Спокойно! Командира нельзя перебивать. Вот видите, все это не так просто. Вы пришли ко мне с доверием, и я ценю это доверие. Но... одно дело – доверие, а другое – здравый смысл... Допустим, я теперь наверняка знаю, кто вы и кто – Бартон. Что мне это даст?

– Ну... это уж ваше дело. Вы должны после этого рейса оценить пригодность...

– О, вот именно! Пригодность каждого. Но ведь вы же не думаете, Броун, что я буду писать

неправду? Что я поставлю минусы не тем, которые хуже, а тем, которые не являются людьми?

– Это не мое дело, – натянуто проговорил пилот, ерзавший на стуле во время этого разговора.

Пиркс смерил его таким взглядом, что тот замолчал.

– Вы только не стройте из себя эдакого усердного ефрейтора, который, кроме своей бляхи, ничего не видит. Если вы человек и чувствуете солидарность с людьми, то вы должны попытаться оценить всю эту историю и осознать свою ответственность.

– Как это «если»? – Броун вздрогнул. – Вы мне не верите? Так вы... так вы думаете...

– Да нет, что вы! Просто слово подвернулось, – торопливо прервал его Пиркс. – Я вам верю. Конечно же, я вам верю. И поскольку вы уже выдали мне свою тайну, а я не собираюсь оценивать ваш поступок с моральной точки зрения, то прошу вас и впредь поддерживать со мной внеслужебный контакт и сообщать обо всем, что вы заметили.

– Ну, я совсем уж ничего не понимаю, – сказал Броун и невольно вздохнул. – Сначала вы меня отчитали, а теперь...

– Это разные вещи, Броун. Раз уж вы мне сказали то, чего не должны были говорить, так отступать теперь бессмысленно. Другое дело, разумеется, с этими деньгами. Может, сказать действительно следовало. Но денег этих я бы на вашем месте не брал.

– Что? Но... но, командор... – Броун в отчаянии искал возражений и наконец нашел: – Они бы сразу догадались, что я нарушил договор! Еще бы в суд на меня подали...

– Это ваше дело. Я не говорю, что вы должны отдать им эти деньги. Я обещал вам молчать и не собираюсь в это дело вмешиваться. Я только сказал

– совершенно частным и неофициальным образом, – что я сделал бы на вашем месте. Но вы – не я, а я – не вы, и все тут. Вы хотели еще что-то сказать?

Броун покачал головой, открыл было рот, закрыл, пожал плечами; видно было, что он до крайности разочарован результатами разговора. Так ничего и не сказав, он машинально вытянулся в струнку и вышел из каюты.

Пиркс глубоко вздохнул. «Зря это я сболтнул: „Если вы человек...“ – огорченно подумал он. – Что за дьявольская игра! Черт его знает, этого Броуна. Либо он человек, либо все это – хитрая уловка, чтобы запутать меня, да и проверить заодно, не собираюсь ли я применить какие-либо противоречащие договору приемы, чтобы распознать этих... Ну, во всяком случае, эту часть состязания я, кажется, провел неплохо! Если Броун сказал правду, то он должен чувствовать себя не в своей тарелке – после всего, что я ему наговорил. А если нет... так опять же я ему ничего особенного не сказал. Ну и дела! Вот это влип я в историю!»

Пирксу не сиделось на месте, он принялся шагать по каюте из угла в угол. Зажужжал зуммер

– это был Кальдер из рулевой рубки; они согласовали поправки к курсу и ускорение для ночной вахты, потом Пиркс снова сел и уставился в пространство, свирепо насупив брови и невесть о чем размышляя. И тут кто-то постучался. «Это еще что?» – подумал он.

– Войдите! – сказал он громко.

В каюту вошел Барнс – нейролог, он же врач и кибернетик.

– Можно?

– Пожалуйста. Садитесь.

Барнс усмехнулся.

– Я пришел сказать вам, что я не человек.

Пиркс стремительно повернулся к нему вместе со стулом.

– Что, простите? Что вы не...

– Что я не человек. И что в этом эксперименте я на вашей стороне.

Пиркс перевел дыхание.

– То, что вы говорите, должно, разумеется, остаться между нами? – спросил он.

– Это я предоставляю на ваше усмотрение. Мне это безразлично.

– Это как же? Барнс снова усмехнулся.

– Очень просто. Я действую из эгоистических соображений. Если ваше мнение о нелинейниках будет положительным, оно вызовет цепную реакцию производства. Это более чем правдоподобно. Такие, как я, начнут появляться в массовом масштабе – и не только на космических кораблях. Это повлечет за собой пагубные последствия для людей – возникнет новая разновидность дискриминации, взаимной ненависти... Я это предвижу, но, повторяю, руководствуюсь прежде всего личными мотивами. Если существую я один, если таких, как я, двое или десять, это не имеет ни малейшего общественного значения – мы попросту затеряемся в массе, незамеченные и незаметные. Передо мной... перед нами будут такие же перспективы, как перед любым человеком, с весьма существенной поправкой на интеллект и ряд специфических способностей, которых у человека нет. Мы сможем достичь многого, но лишь при условии, что не будет массового производства.

– Да... в этом что-то есть... – медленно проговорил Пиркс. В голове у него был легкий сумбур. – Но почему вам безразлично, расскажу я или нет? Разве вы не боитесь, что фирма...

– Нет. Совершенно не боюсь. Ничего, – тем же спокойным лекторским тоном сказал Барнс. – Я ужасно дорого стою, командор. Вот сюда, – он коснулся рукой

груди, – вложены миллиарды долларов. Не думаете же вы, что разъяренный фабрикант прикажет разобрать меня на винтики? Я говорю, конечно, в переносном смысле, потому что никаких винтиков во мне нет... Разумеется, они придут в ярость... но мое положение от этого ничуть не изменится. Вероятно, мне придется работать в этой фирме – ну и что за беда?! Я даже предпочел бы работать там, чем в другом месте, – там обо мне лучше позаботятся в случае... болезни. И не думаю, что они попытаются меня изолировать. Зачем, собственно? Применение силы могло бы кончиться очень печально для них самих. Вы ведь знаете, как могущественна печать...

«Он подумывает о шантаже», – мелькнуло в голове у Пиркса. Ему казалось, что это сон. Но он продолжал слушать с величайшим вниманием.

– Итак, теперь вы понимаете, почему я хочу, чтобы ваше мнение о нелинейниках оказалось отрицательным?

– Да. Понимаю. А вы... могли бы сказать, кто еще из команды...

– Нет. То есть у меня нет уверенности, а догадками я могу вам больше навредить, чем помочь. Лучше иметь нуль информации, чем быть дезинформированным, поскольку это означает отрицательную информацию.

– Да... гм... Ну, во всяком случае, почему бы вы это ни сделали, благодарю вас. Да. Благодарю. А... не можете ли вы в связи с этим рассказать кое-что о себе? Я имею в виду определенные аспекты, которые могли бы мне помочь...

– Я догадываюсь, что вас интересует. Но я ничего не знаю о своей конструкции, точно так же как вы не знали ничего об анатомии или физиологии своего тела... до тех пор, по крайней мере, пока не прочли какого-нибудь учебника биологии. Впрочем, конструкторская сторона вас, по-видимому, мало интересует – речь идет в основном о психике? О наших... слабых местах?

– О слабых местах тоже. Но, видите ли, в конце концов каждый кое-что знает о своем организме... это, понятно, не научные сведения, а результат опыта, самонаблюдения...

– Ну, разумеется, ведь организмом пользуются... это открывает возможности для самонаблюдения.

Барнс снова, как и прежде, усмехнулся, показав ровные, но не чересчур ровные зубы.

– Значит, я могу вас спрашивать?

– Пожалуйста.

Пиркс силился бороться с мыслями.

– Можно мне задавать вопросы... нескромные? Прямо-таки интимные?

– Мне нечего скрывать, – просто ответил Барнс.

– Вы уже сталкивались с такими реакциями, как ошеломление, страх и отвращение, вызванные тем, что вы нечеловек?

– Да, однажды, во время операции, при которой я ассистировал. Вторым ассистентом была женщина. Я уже знал тогда, что это означает.

– Я вас не понял...

– Я уже знал тогда, что такое женщина, – пояснил Барнс. – Сначала мне ничего не было известно о существовании пола...

– А!

Пиркс разозлился на себя за то, что не смог удержаться от этого возгласа.

– Значит, там была женщина. И что же произошло?

– Хирург случайно поранил мне палец скальпелем, резиновая перчатка разошлась, и стало видно, что рана не кровоточит.

– Как же так? А Мак-Гирр говорил мне...

– Сейчас кровь пошла бы. Тогда я был еще «сухой», как говорят на профессиональном жаргоне наших «родителей»... – сказал Барнс. – Ведь эта наша кровь – чистейший маскарад: внутренняя поверхность кожи сделана губчатой и пропитана кровью, причем эту пропитку приходится возобновлять довольно часто.

– Понятно. И женщина это заметила. А хирург?

– О, хирург знал, кто я, а она нет. Она не сразу поняла, только в самом конце операции, да и то в основном потому, что хирург смутился...

Барнс усмехнулся.

– Она схватила мою руку, поднесла ее к глазам и, когда увидела, что там... внутри, бросила ее и пустилась бежать. Она забыла, в какую сторону открывается дверь операционной, дергала ее, но дверь не открывалась, и у нее началась истерика.

– Та-ак... – сказал Пиркс. Он откашлялся. – Что вы тогда почувствовали?

– В общем-то я малочувствителен... но это не было приятно, – помедлив, сказал Барнс и снова усмехнулся. – Я об этом не говорил ни с кем, – добавил он немного спустя, – но у меня создалось впечатление, что мужчинам, даже необразованным, легче общаться с нами. Мужчины мирятся с фактами. Женщины с некоторыми фактами не хотят мириться. Продолжают говорить «нет», даже если ничего уже, кроме «да», сказать невозможно.

Пиркс все время смотрел на своего собеседника – особенно пристально вглядывался в него, когда Барнс отводил глаза, – потому что старался обнаружить в нем некое отличие, которое бы его успокоило, доказав, что воплощение машины в человека все-

таки не может быть идеальным. Раньше, когда он подозревал всех сразу, ситуация была иной. Теперь, с каждым мгновением все более убеждаясь, что Барнс говорит правду, и доискиваясь следов подделки – то в его бледности, которая поразила Пиркса уже при первой встрече, то в его движениях, таких сдержанных, то в неподвижном блеске светлых глаз, – он вынужден был признать, что в конце концов и люди бывают такие же бледные или малоподвижные; тогда вновь возвращались сомнения – и всем этим наблюдениям и мыслям Пиркса сопутствовала усмешка Барнса, которая вроде и не всегда относилась к тому, что Пиркс говорил, а скорее выражала понимание того, что именно он чувствовал. Эта усмешка была Пирксу неприятна, она смущала его, и ему тем труднее было продолжать этот допрос, что в ответах Барнса звучала безграничная искренность.

– Вы обобщаете на основании одного случая, – пробормотал Пиркс.

– О, потом я много раз сталкивался с женщинами. Со мной работали, то есть учили меня, несколько женщин. Они были преподавательницами и тому подобное. Но они заранее знали, кто я. Поэтому старались скрывать свои чувства. Это им давалось нелегко, потому что временами мне доставляло удовольствие раздражать их.

Улыбка, с которой он смотрел Пирксу в глаза, была почти дерзкой.

– Они искали, знаете, каких-нибудь особенностей, отличий со знаком минус, а раз это их так интересовало, я иногда развлекался, демонстрируя такие особенности.

– Не понимаю.

– О, наверняка понимаете! Я изображал марионетку: и физически – скованностью движений, и психически – пассивным послушанием... а как только они начинали наслаждаться своими открытиями, я внезапно обрывал игру. Я полагаю, что они считали меня порождением дьявола.

– Послушайте, вы не предубеждены? Это ведь только домыслы, тем более что они были преподавательницами, значит, имели соответствующее образование.

– Человек – существо абсолютно несобранное, – флегматично сказал Барнс. – Это неизбежно, если возникаешь так, как вы; сознание – это часть мозговых процессов, выделившаяся из них настолько, что субъективно кажется неким единством, но это единство – обманчивый результат самонаблюдения. Другие мозговые процессы, которые вздымают сознание, как океан вздымает айсберг, нельзя ощутить непосредственно, но они дают о себе знать, порой так отчетливо, что сознание начинает их искать. Именно из таких поисков и возникло представление о дьяволе как проекция на внешний мир того, что существует внутри человека, в его мозгу, но не поддается локализации – ни наподобие мысли, ни наподобие руки.

Он еще шире улыбнулся.

– Я излагаю вам кибернетические основы теории личности, которые вам, наверное, известны! Логическая машина отличается от мозга тем, что не может иметь сразу несколько взаимоисключающих программ деятельности. Мозг может их иметь, он всегда их

имеет, поэтому-то он и представляет собой поле битвы у людей святых или же пепелище противоречий у людей более обычных... Нейронная система у женщины несколько иная, чем у мужчины, – речь идет не об интеллекте, и вообще различие здесь только статистическое. Женщины легче переносят сосуществование противоречий – в большинстве случаев это так. Кстати говоря, именно потому науку и создают в основном мужчины, что она представляет собой поиск единого, а значит, непротиворечивого порядка. Противоречия мешают мужчинам сильнее, поэтому они стремятся их устранить, сводя многообразие к однородности.

– Возможно, – сказал Пиркс. – И поэтому вы считаете, что женщины видели в вас дьявола?

– Это, пожалуй, слишком сильно сказано, – ответил Барнс. Он положил руки на колени. – Я казался им в высшей степени отталкивающим и благодаря этому привлекал. Я был воплощением невозможного, чем-то запретным, чем-то, что противоречит миру, понимаемому как естественный порядок вещей, и ужас их выражался не только в желании бежать, но и в жажде самоуничтожения. Если даже никто из них не признался себе в этом открыто, я могу сделать это за них: в их глазах я представлял собой бунт против покорности биологическим законам. Ибо я был воплощением бунта против Природы, я был существом, в котором биологически рациональная, а значит, корыстная связь эмоций с функцией продолжения рода была разорвана. Уничтожена.

Он быстро взглянул на Пиркса.

– Вы думаете, что это философия кастрата? Нет – поскольку я не был искалечен; таким образом, я не являюсь существом низшего порядка, я только существо, отличающееся от вас. Существо, любовь которого всегда будет – во всяком случае может быть – такой же бескорыстной, такой же ни на что не пригодной, как смерть; и потому эта любовь вместо ценного оружия становится ценностью в себе. Ценностью, разумеется, с отрицательным знаком – как дьявол. Почему так случилось? Меня создали мужчины, и им легче было сконструировать потенциального соперника, чем потенциальный объект страсти. А как вы думаете?.. Я прав?

– Не знаю, – сказал Пиркс. Он не смотрел на Барнса; он не мог на него смотреть. – Не знаю. Конструкцию определяли различные факторы – пожалуй, экономические прежде всего.

– Наверное, – согласился Барнс. – Но и те, о которых я говорил, тоже сыграли свою роль. Только все это, командор, – одна великая ошибка. Я говорил о том, что люди чувствуют по отношению ко мне, но ведь они лишь создают еще одну мифологию, мифологию нелинейника, потому что я никакой не дьявол – надеюсь, это понятно – и не являюсь также потенциальным эротическим соперником, что, может быть, несколько менее понятно. Я выгляжу, как мужчина, и говорю, как мужчина. И психически я, наверное, в какой-то степени мужчина, но именно в какой-то степени... Впрочем, это уже не имеет почти никакого отношения к делу, по которому я пришел.

– Ну, неизвестно, неизвестно, – бросил Пиркс. Он смотрел на свои переплетенные пальцы. – Говорите дальше...

– Если вы желаете... Но я буду говорить только от собственного имени. Я ничего не знаю о других. Я как личность возникал в два этапа: в ходе предварительного программирования и в ходе обучения. Человек ведь тоже так возникает, но первый из этих факторов играет для него меньшую роль, потому что он появляется на свет едва оформившимся, я же физически сразу был таким, как сейчас, и мне не пришлось учиться так долго, как ребенку. Но из-за того, что я не знал ни детства, ни юности, а был мультитатом, которого сначала загрузили массой предпрограмм, а потом до бесконечности тренировали и пичкали множеством информации, – из-за этого я стал более однородным, чем любой из вас. Ведь каждый человек – это ходячая геологическая формация, прошедшая через тысячу раскаленных эпох и еще через тысячу – ледниковых, когда слои оседали на слои... Сначала тот, конечный, ибо первый и потому ни с чем несравнимый мир ребенка до знакомства с языком – мир, который позже гибнет, поглощенный стихией речи, но все же таится где-то на дне. Это вторжение красок, форм и запахов в мозг, вторжение через органы чувств, открывшихся сразу после рождения... и лишь потом начинается разделение на мир и не-мир, то есть на «не-я» и «я». Ну а потом – это половодье гормонов, эти противоречивые, на разных уровнях программы влечений и убеждений... История формирования человека – это история сражений мозга с самим собой. Я не знал всех этих безумств и разочарований, я не проходил этих этапов, и потому во мне нет ни малейшего следа детства. Я способен растрогаться и, наверное, мог бы даже убить – но не из любви. Слова в моих устах звучат так же, как в ваших, но для меня они означают нечто иное.

– Это значит, что вы не способны любить? – спросил Пиркс. Он продолжал смотреть на свои руки. – Но откуда у вас такая уверенность? Этого никто не знает до поры до времени...

– Этого я не хотел сказать. Может быть, я и способен. Но эта любовь была бы совершенно не такой, как у вас. В сущности, ваш мир вызывает у меня только удивление и насмешку. Происходит это, я думаю, потому, что главная черта вашего мира, которая всюду бросается мне в глаза, – это его условность. Это относится, не только к форме машин или к вашим обычаям, но и к вашему телесному облику, который послужил моделью для моего. Я вижу, что все могло бы выглядеть иначе, могло быть построено иначе и иначе действовать – и не было бы от этого ни лучше, ни хуже, чем то, что есть. Для вас мир прежде всего просто существует, и существует как единственная возможность, а для меня, с тех пор как я вообще начал мыслить, мир был смешон. Ваш мир – мир городов, театров, улиц, семейной жизни, биржи, любовных трагедий и кинозвезд. Хотите услышать мое излюбленное определение человека? Это существо, которое охотнее всего рассуждает о том, в чем меньше всего разбирается. Древность, считаете вы, характеризуется вездесущностью мифологии, а современная цивилизация – ее отсутствием? А откуда же берутся ваши самые фундаментальные понятия? Ваши философские и религиозные взгляды – следствие вашей биологической конструкции; ведь люди смертны, а они хотят в каждом поколении узнать все, понять все, объединить все, и из этого противоречия возникает метафизика – как мост, соединяющий возможное с невозможным. А наука? Это прежде всего капитуляция. Обычно подчеркивают ее успехи, но они приходят не сразу и все равно не покрывают громадных потерь. Ведь наука – это согласие на бренность и ничтожество индивидуума, который и возникает-то в результате статистической игры сперматозоидов, борющихся за первенство в оплодотворении яйца. Это согласие на бренность, на необратимость, на

отсутствие возмездия и высшей справедливости и предельного познания, предельного понимания всего сущего, – и такое согласие могло бы быть даже героическим, когда б не то, что сами творцы науки так часто не отдают отчета в том, что они действительно творят! Выбирая между страхом и насмешкой, я выбрал насмешку, потому что на это меня хватало.

– Вы ненавидите тех, кто вас создал, правда? – тихо спросил Пиркс.

– Вы ошибаетесь. Я считаю, что любое бытие, даже самое ограниченное, лучше небытия. Они, эти, мои создатели, конечно, многого не могли предвидеть, но я им благодарен – даже больше, чем за интеллект, – за то, что они не наделили меня центром удовольствия. У вас в мозгу есть такой центр, вы знаете?

– Я где-то читал об этом.

– У меня его, видимо, нет, поэтому я не уподоблюсь безногому, который хочет только одного – ходить... Только ходить, потому что это невозможно.

– Все остальные смешны, так, что ли? – подсказал Пиркс. – А вы сами?

– О, я тоже. Только на другой манер. Каждый из вас, раз уж он существует, имеет тело, которое имеет, и все, а я мог бы, например, выглядеть, как холодильник.

– Я не нахожу в этом ничего смешного, – буркнул Пирс. Этот разговор становился для него все мучительнее.

– Я говорю об условности, о случайности, – повторил Барнс. – Наука – это отречение от различных абсолютов: от абсолютного пространства, абсолютного времени, абсолютной, то есть вечной, души, от абсолютного – богом созданного – тела. Таких условностей, которые вы принимаете за реальные, ни от чего не зависящие сущности, можно назвать немало.

– Что же еще условно? Этические нормы? Любовь? Дружба?

– Чувства никогда не бывают условными, хотя могут возникать на основе условных, традиционных предпосылок. Но вообще-то я говорю о вас только потому, что при таком сопоставлении мне легче сказать, каков я сам. Этика, несомненно, условна, во всяком случае для меня. Я не обязан поступать этично, однако же поступаю так.

– Интересно. Почему?

– У меня нет такого «инстинкта доброты». Я не способен к жалости, так сказать, «по природе». Но я знаю, когда полагается проявлять жалость, и могу к этому приучиться. Я пришел к заключению, что так нужно. Таким образом, я как бы заполнил эту пустоту в себе при помощи логических рассуждений. Можно сказать, что у меня имеется «протез этики», который я сконструировал так тщательно, что он «совсем как настоящий».

– Я толком не понимаю. Так в чем же тут разница?

– В том, что я действую в соответствии с логикой принятых мною аксиом, а не в соответствии с инстинктом. У меня нет таких инстинктов. Одним из ваших несчастий является то, что, кроме инстинктов, вы почти ничего не имеете. Как проявляется на практике так называемая «любовь к ближнему»? Вы сжалитесь над жертвой случая и поможете ей. Но если перед вами будет десять тысяч таких жертв, вы не сможете пожалеть их всех. Сочувствие – штука не очень емкая и не очень растяжимая. Оно хорошо, пока речь идет о единицах, и оно беспомощно, когда дело коснется массы. И как раз технический прогресс все более эффективно разрушает вашу мораль. Атмосфера этической ответственности едва охватывает первые звенья цепи причин и следствий – очень немногие звенья. Тот, кто запускает процесс, совершенно не чувствует себя ответственным за его далекие последствия.

– Атомная бомба?

– О, это лишь один из тысячи примеров. В сфере морали вы, пожалуй, смешнее всего.

– Почему?

– Мужчинам и женщинам, о которых известно, что их потомство будет недоразвитым, можно иметь детей. Это разрешено вашей моралью.

– Барнс, это никогда не известно наверняка. Речь идет, самое большее, о высокой степени вероятности.

– Командор, мы можем так рассуждать целую вечность.

Что еще вы хотите знать обо мне?

– Вы состязались с людьми в различных экспериментальных ситуациях. Вы всегда побеждали?

– Нет. Я проявляю себя тем лучше, чем больше точности, алгоритмизации, математики требует задание. Интуиция – мое самое слабое место. Мое происхождение от цифровых машин мстит за себя.

– Как это выглядит на практике?

– Если ситуация чрезмерно усложняется, если количество новых факторов слишком возрастает, я теряюсь. Человек, насколько мне известно, старается опираться на догадку, то есть на приближенное решение, и ему это иногда удается, а я этого не умею. Я должен все учесть точно и ясно, а если это невозможно, я проигрываю.

– То, что вы мне сказали, очень важно, Барнс. Значит, в опасной ситуации, допустим, при какой-нибудь катастрофе...

– Это не так просто, командор. Ведь я не ощущаю страха – во всяком случае, ощущаю его не так, как человек, – и хоть угроза гибели мне, конечно, небезразлична, я не теряю, как говорится, головы. В таких условиях самообладание может компенсировать нехватку интуиции.

– Вы пытаетесь овладеть ситуацией до последнего мгновения?

– Да. Даже тогда, когда вижу, что проиграл.

– Почему? Это же иррационально?

– Это всего лишь логично, ибо я так решил.

– Благодарю вас. Может быть, вы действительно помогли мне, – произнес Пиркс. – Скажите только еще: что вы собираетесь делать после нашего возвращения?

– Я по специальности кибернетик-нейролог, и к тому же неплохой. Творческих способностей у меня мало, ибо они неотделимы от интуиции, но для меня и без этого найдется много интересной работы.

– Благодарю вас, – повторил Пиркс.

Барнс встал, сдержанно кивнул и вышел. Пиркс вскочил с койки, как только за Барнсом закрылась дверь, и начал шагать из угла в угол.

«Господи, на черта мне это было нужно?! Вот теперь уж я совсем ничего не знаю. Либо это робот, либо... Пожалуй, он все же говорил правду. Но с чего бы такие пространные излияния? Вся история человечества плюс его „критика извне“... Допустим, он говорил правду. В таком случае мне нужно спровоцировать порядком запутанную ситуацию. Но она должна быть достаточно правдоподобной, чтобы не обнаружилось, что я сам ее подстроил. Значит, она должна быть реальной. Короче говоря, нужно рискнуть. Опасность, хоть и искусственно созданная, но сама по себе настоящая».

Он ударил кулаком по ладони.

«А если и это был всего лишь тактический маневр? Тогда я, может быть, сверну себе шею и убью при этом всех людей, а корабль поведут на Землю роботы, которым ничего не станет! Ну, это привело бы тех господ в величайший восторг – какая феноменальная реклама! Какая гарантия безопасности для кораблей, оснащенных такой командой! Разве не так? Значит, с их точки зрения такая придумка – подцепить меня на крючок откровенности – была бы чертовски эффективной!»

Пиркс расхаживал все быстрее.

«Я должен как-то проверить, правда ли это. Допустим, что в конце концов я распознаю всех. На борту есть аптечка. Я мог бы капнуть в еду по капле апоморфина. Люди расхвораются, а роботы, пожалуй, нет. Конечно, нет. Ну и что мне это даст? Прежде всего почти наверняка все догадаются, что это сделал я. Далее, если даже окажется, что Броун человек, а Барнс – робот, то из этого еще не следует, будто все, что они сказали, правда. Может, о своем происхождении они сообщили верно, а все остальное было стратегическим маневром? Постой. Барнс действительно подсказал мне определенный выход – этими своими словами о нехватке интуиции. Ну а Броун? Он бросил тень подозрения на Барнса, который сразу же вслед за тем появился и

подтвердил это подозрение. Не слишком ли хорошо получается? С одной стороны, если все это произошло в результате незапланированной, то есть независимой, инициативы каждого из них в отдельности, тогда и то, что сначала Броун назвал Барнса, и то, что потом Барнс пришел, чтобы это подтвердить, оказалось бы чистой случайностью. Если бы они это запланировали, то наверняка избежали бы такого примитивизма – уж очень это наводит на размышления. Я начинаю запутываться. Постой! Если бы сейчас еще кто-нибудь пришел, это означало бы, что и все остальное было липой. Игрой. Только наверняка никто не придет – игра стала бы слишком очевидной, не так они глупы. Ну а если они говорили правду? Может ведь и еще кому-нибудь захотеться...»

Пиркс опять трахнул кулаком по раскрытой ладони. Значит, попросту ничего не известно. Надо ли действовать? И как действовать? Может, еще подождать? Пожалуй, надо подождать.

Во время обеда в кают-компании все молчали. Пиркс вообще ни с кем не заговаривал, потому что все еще боролся с искушением провести «химическую проверку», до которой додумался у себя в каюте, и никак не мог принять решение. Броун находился у штурвала, поэтому обедали впятером. И все пятеро ели, а Пиркс думал, что это как-то чудовищно – есть только затем, чтобы прикидываться человеком. И что, может быть, именно из таких вот причин и рождается ощущение смехотворности, о котором говорил Барнс, и именно оно является для него средством самозащиты – вот почему он распространялся об условности: наверное, для него еда тоже была лишь условным приемом! Даже если он верит, что у него нет ненависти к своим создателям, то он сам себя обманывает. «Я бы их ненавидел, – уверенно подумал Пиркс. – Это все же свинство какое-то, что они не стыдятся!»

Молчание, длившееся на протяжении всего обеда, становилось просто невыносимым. В нем ощущалось уже не стремление каждого остаться при своем и не вступать в контакты – чего и желали организаторы рейса, – то есть не лояльное старание сохранить тайну, но скорее некая всеобщая враждебность, а если не враждебность, то подозрительность: человек не хотел сближаться с нечеловеком, а нечеловек в свою очередь понимал, что только заняв такую же точно позицию он сможет маскироваться. Потому что, если бы он хоть чуточку попытался навязываться другим, то в этой ледяной атмосфере немедленно привлек бы к себе внимание и заставил бы заподозрить, что он не человек. Пиркс сидел над своей тарелкой, подмечая каждую мелочь: как Томсон попросил соли, как Бартон передал ему солонку, как в свою очередь Барнс подвинул Бартону графинчик с уксусом. Вилки и ножи деловито сновали в руках, все жевали, глотали, почти не глядя на остальных, это было прямо-таки погребение маринованной говядины, а не обед, и Пиркс, не доев компота, встал, кивнул всем и вернулся к себе.

«Голиаф» развил курсовую скорость; примерно в двадцать часов по бортовому времени они разминулись с двумя большими грузовозами, обменялись обычными сигналами, и часом позже автоматы выключили на палубах дневной свет. Пиркс как раз шел из рулевой, когда это произошло. Огромное пространство средней палубы наполнила темнота, продырявленная голубыми шарами ночных светильников. И сразу же засияли покрытые самосветящейся краской тросы, протянутые вдоль стен для ходьбы при невесомости, углы дверей и их ручки, указательные стрелки и надписи на перегородках. Корабль был недвижим, словно стоял в каком-то земном доке. Не

чувствовалось ни малейшей вибрации, только климатизаторы почти бесшумно работали, и Пиркс поочередно пересекал невидимые струи чуть более прохладного, слегка пахнущего озоном воздуха.

Что-то, въедливо жужжа, легонько стукнуло его в лоб – какая-то муха, пробравшаяся зайцем на корабль, – Пиркс посмотрел на нее с неодобрением, он не любил мух, но она уже куда-то исчезла. За поворотом коридор сужался, обходя лестницу и трубу индивидуального лифта. Пиркс ухватился за поручень и пошел наверх, сам не зная зачем; он даже не сообразил, что там расположен звездный экран. Вообще-то он знал о его существовании, но наткнулся на этот огромный черный прямоугольник словно бы случайно.

В сущности, у него не было какого-то определенного отношения к звездам. У многих космонавтов это особое отношение якобы существовало. В давние времена оно даже считалось сугубо обязательной составной частью романтического «космонавтского шика». Но и теперь почти каждый космонавт старался сыскать в себе какие-то интимные чувства к этим сверкающим скопищам – вероятно, потому, что общественное мнение, сформированное кинофильмами, телевидением, литературой, приписывало пилотам внеземных трасс какой-то особый «космический» облик. Пиркс давно в глубине души подозревал, что все эти ребята бахвалятся и привирают: его лично звезды мало интересовали, а уж болтовню на эту тему он считал полнейшим идиотизмом. Сейчас он остановился, опершись об эластичную трубу, предохранявшую голову от удара о невидимую стеклянную поверхность, и сразу же опознал лежавший чуть ниже корабля центр Галактики, точнее – направление, в котором следует его искать, потому что дальше взгляд упирался в огромные белесые туманности Стрельца. Это созвездие всегда служило ему чем-то вроде слегка размытого и потому не очень точного дорожного знака – это у него осталось еще со времени службы в патруле, потому что ограниченность поля зрения в одноместных патрульных ракетах часто затрудняла ориентацию по созвездиям, а туманности Стрельца можно было опознать даже на их крохотных экранах. Но Пиркс вовсе не думал о Стрельце как о миллионах пылающих солнц с неисчислимыми планетными системами – вернее, он думал так о нем в молодости, пока сам не очутился в пустоте и не свыкся с нею. Тогда эти юношеские бредни как-то незаметно ушли от него.

Пиркс медленно приблизил лицо к холодному стеклу, коснулся лбом и застыл так, почти не замечая этого неисчислимого скопища неподвижных ярких точек, местами сливающихся в белое свечение. Видимая изнутри Галактика выглядела как сплошной хаос, как сумбурный итог миллиардолетней игры в огненные костяшки. И все-таки порядок существовал – но на высшем уровне, на уровне многих галактик, и увидеть его можно было только на фотографиях, снятых гигантскими телескопами. На этих негативах галактики кажутся эллипсоидными телами, вроде амёб на различных стадиях развития; только космонавтов это ничуть не интересует, потому что наша Галактика для них – все, а остальное не в счет. «Может, пойдет в счет через тысячи лет», – подумал Пиркс.

Кто-то приближался. Пенопластовая дорожка глушила шаги, но Пиркс ощутил чье-то присутствие. Он повернулся и увидел темную фигуру на фоне светящихся полос, обозначающих места, где сходились стены и потолок.

– Кто это? – спросил он негромко.

– Это я, Томсон.

– Вы сдали вахту? – спросил Пиркс, чтобы хоть что-нибудь спросить.

– Да, командор.

Они стояли молча; Пиркс хотел было снова повернуться к экрану, но Томсон словно чего-то ждал.

– Вы хотите мне что-то сказать?

– Нет, – ответил Томсон, повернулся и пошел в ту же сторону, откуда появился.

«Это еще что?» – подумал Пиркс. Очень похоже было, что Томсон его искал.

– Томсон! – крикнул он в тишину.

Шаги снова приблизились. Томсон вынырнул из темноты, едва заметный в фосфоресцирующем свечении неподвижно висящих тросов.

– Здесь где-то есть кресла, – сказал Пиркс. Он подошел к противоположной стене и увидел их. – Посидите-ка со мной, Томсон.

Инженер послушно приблизился. Они уселись напротив звездного экрана.

– Вы хотели мне что-то сказать. Я вас слушаю.

– Я опасаюсь...

– Ничего. Говорите. Это личное дело?

– Да. В высшей степени.

– Значит, поговорим совершенно неофициально. В чем дело?

– Я хотел бы, чтобы вы добились успеха, – сказал Томсон. – Предупреждаю сразу: я должен сдержать свое обещание и не скажу вам, кто я такой. Но, так или иначе, я хочу, чтобы вы видели во мне союзника.

– Разве это логично? – спросил Пиркс. Место для разговора было выбрано неудачно – ему мешало, что он не видит лица собеседника.

– Пожалуй. Человек был бы заинтересован в этом по вполне понятным причинам, а нечеловек – ну, что его ожидает, если начнется массовое производство? Он будет зачислен в категорию второстепенных граждан, попросту говоря – современных рабов, станет собственностью какой-нибудь корпорации.

– Это не обязательно.

– Но вполне возможно.

– Ну, хорошо. Значит, я должен считать вас союзником? А разве тем самым вы не нарушаете свое обещание?

– Я обязался не раскрывать своего происхождения и ничего более. Мне поручено выполнять обязанности ядерщика под вашим командованием. Вот и все. Остальное – мое личное дело.

– Видите ли, формально, может быть, и вправду все в порядке, но разве вы не действуете вопреки интересам своих нанимателей? Ведь вы же понимаете, что ваш поступок противоречит их замыслам?

– Возможно. Но они ведь не дети; формулировки договора были недвусмысленными и определенными. Договор разрабатывали объединенные юридические отделы всех заинтересованных фирм. Они могли бы включить отдельный пункт, запрещающий делать всякие шаги, вроде того, который я сейчас сделал, но ничего подобного там не было.

– Упущение?

– Не знаю. Возможно. Почему вы так интересуетесь этим? Вы мне не доверяете?

– Я хотел разобраться в ваших побуждениях. Томсон помолчал.

– Этого я не предвидел, – тихо произнес он наконец.

– Чего?

– Что вы можете усомниться в моем поступке. Принять его... ну, скажем, за уловку, запланированную заранее. Я понимаю это так: вы вступили в игру, где участвуют две стороны; вы – с одной, а мы все-с другой. И если б вы наметили себе какой-то план действий, чтобы нас всех испытать, – я имею в виду испытание, которое продемонстрировало бы, допустим, превосходство человека, – а потом рассказали бы об этом плане одному из нас, считая его своим союзником, а этот человек на деле принадлежал к другому лагерю, он заполучил бы от вас стратегически ценную информацию.

– То, что вы говорите, очень интересно.

– О, вы наверняка уже об этом думали. А я – только сейчас сообразил. Видимо, меня слишком занимал сам вопрос – должен я предложить себя вам в пособники или нет. Этот аспект интриги выпал из моего поля зрения. Да, я сделал глупость. Так или иначе, вы не можете быть откровенным со мной.

– Предположим, – сказал Пиркс. – Однако это еще не катастрофа. Я действительно ничего вам не скажу, но вы можете сказать мне кое-что. Например, о своих коллегах.

– Но ведь это тоже может оказаться ложной информацией.

- Это уж вы предоставьте мне. Вам что-нибудь известно?
- Да. Броун – не человек.
- Вы в этом уверены?
- Нет. Но это весьма вероятно.
- Какими данными вы располагаете, чтобы это подтвердить?
- Вы, я думаю, понимаете, что каждому из нас попросту любопытно, кто из остальных человек, а кто нет.
- Да.
- Во время подготовки к старту я проверял реактор. В тот момент, когда вы, Кальдер, Броун и Барнс спустились в распределительный центр, я как раз менял бленды, и тут при виде вас мне пришла в голову одна мысль.
- Ну?
- У меня под рукой находилась проба, взятая из горячей зоны реактора, – я ведь должен вести контроль над радиоактивными загрязнениями. Небольшая проба, но я знал, что там довольно много изотопов стронция. Так вот, когда вы входили, я взял ее пинцетом и поместил между двумя оловянными блоками, которые лежали на верхней полке у стены. Вы их не заметили?
- Заметил. И что дальше?
- Разумеется, я не мог установить их точно, но во всяком случае, вы должны были пройти сквозь поток излучения – довольно слабый, но тем не менее заметный для того, кто располагает даже маломощным счетчиком Гейгера или обыкновенным датчиком излучения. Но я не успел вовремя это сделать, вы и Барнс уже прошли дальше, а двое остальных – Кальдер и Броун – только спустились по лестнице. Так что лишь они и прошли через невидимый луч – и Броун вдруг посмотрел в сторону этих блоков и ускорил шаги.
- А Кальдер?
- Он не отреагировал.
- Это имело бы значение, если б мы знали, что нелинейники обладают датчиком излучений.
- Вы хотите меня поймать? Вы рассудили, что если я не знаю, то я человек, а если знаю, то нечеловек! Ничего подобного, это попросту очень вероятно – ведь если б они не имели никакого превосходства над нами, зачем было бы вообще их делать? Это добавочное чувство радиоактивности могло бы очень пригодиться, особенно на корабле, так что конструкторы наверняка об этом подумали.

– Значит, по-вашему, у Броуна есть такое чувство?

– Повторяю – я не уверен. В конце концов, это могло быть случайностью, что он заторопился и посмотрел в сторону, но такая случайность кажется мне маловероятной.

– Что еще?

– Пока ничего. Я дам вам знать, когда что-нибудь замечу, – если вы хотите.

– Хорошо. Благодарю вас.

Томсон встал и исчез в темноте. Пиркс остался один.

«Значит, так, – быстро подытоживал он. – Броун утверждает, что он человек. Томсон заявляет, что это не так, а насчет себя хоть и не говорит прямо, но в общем намекает, что он человек; во всяком случае, это наиболее правдоподобно объясняло бы его поведение. Мне кажется, что нечеловек не выдал бы с такой готовностью другого нечеловека командиру-человеку – хотя я, может быть, уже настолько близок к шизофрении, что мне все кажется возможным. Идем дальше.

Барнс говорит, что он не человек. Остаются еще Бартон и Кальдер. Может, оба они воображают себя марсианами? Кто я такой вообще? Космонавт или отгадчик ребусов? Одно, пожалуй, ясно: ни один из них не добился от меня ни капельки информации касательно моих намерений. Но тут даже нечем хвастаться: ведь я не из хитрости никому ничего не сказал, а просто сам понятия не имею, что предпринять. В конце концов, разве опознать их – самое важное? Думаю, что нет. Надо махнуть рукой на это: все равно ведь я должен подвергнуть их какому-то испытанию – всех, а не кого-то из них. Единственная информация, которая имеет к этому отношение, получена от Барнса: нелинейники слабоваты по части интуиции. Правда ли это, я не знаю, но попробовать стоит. Пробу нужно провести так, чтобы она выглядела как можно естественней. А по-настоящему естественно может выглядеть лишь такая ситуация, при которой подвергаешься смертельной опасности. Короче говоря, нужно рискнуть».

Сквозь лиловый полумрак он вошел в каюту и поднял руку к выключателю. Нажимать кнопку не требовалось – свет включался от приближения руки. Кто-то побывал здесь в его отсутствие. На столе вместо книг, которые там лежали раньше, белел небольшой конверт с напечатанным на машинке адресом: «Командору Пирксу, лично». Пиркс закрыл дверь, сел, разорвал конверт – внутри было отстуканное на машинке письмо без подписи. Он потер лоб рукой и начал читать. Обращения не было.

«Это письмо пишет вам член команды, который не является человеком. Я выбрал этот путь, потому что он объединяет мои интересы с вашими. Я хочу, чтобы вы свели на нет или, по крайней мере, затруднили реализацию планов электронных фирм. Поэтому я хочу доставить вам информацию о свойствах нелинейника, насколько они мне известны на основании личного опыта. Я написал вам письмо еще в гостинице, до встречи с вами. Тогда я не знал, согласится ли человек, который должен стать командиром „Голиафа“, сотрудничать со мной. Но ваше появление при первой встрече

показало мне, что вы стремитесь к тому же, к чему и я. Поэтому я уничтожил первый вариант письма и написал это. Я считаю, что осуществление замыслов фирм не сулит мне ничего хорошего. Вообще говоря, производство нелинейников имеет смысл лишь в том случае, если конструируемые существа превосходят человека в широком диапазоне параметров. Повторение уже существующего человека не имело бы смысла. Так вот, скажу вам сразу, что я вчетверо менее чувствителен к перегрузкам, чем человек, могу в один прием выдержать до семидесяти пяти тысяч рентген без всякого вреда для себя, обладаю чувством (датчиком) радиоактивности, обхожусь без кислорода и пищи, могу, наконец, производить в уме без всякой помощи математические расчеты в области анализа, алгебры и геометрии со скоростью, лишь втрое меньшей, чем скорость больших цифровых машин. В сравнении с человеком я, насколько могу судить, в значительной степени лишен эмоциональной жизни. Многие проблемы, занимающие человека, меня не интересуют вообще. Большинство литературных произведений, пьес и тому подобное я воспринимаю как неинтересные или нескромные сплетни, как своеобразное подглядывание за чужим, интимным, имеющее очень ничтожное познавательное значение. Зато для меня очень много значит музыка. Я обладаю также чувством долга, выдержкой, способен на дружбу и на уважение к интеллектуальным ценностям. Я не чувствую, что работаю на борту „Голиафа“ по принуждению, ибо то, что я делаю, – это единственное, что я умею делать хорошо, а делать что-либо хорошо доставляет мне удовольствие. Я не включаюсь эмоционально ни в какую ситуацию. Всегда остаюсь созерцателем событий.

Человеческая память не может сравниться с моей. Я могу цитировать целые главы однажды прочитанных книг, могу «заряжаться информацией», непосредственно подключаясь к блокам памяти большой цифровой машины. Я могу также произвольно забывать то, что сочту лишним для моей памяти. Мое отношение к людям негативное. Я встречался почти исключительно с учеными и техниками – даже они действуют в плену инстинктов, плохо маскируют свои предубеждения, легко впадают в крайности, относясь к существу вроде меня либо покровительственно, либо, напротив, с отвращением, неприязнью. Мои неудачи огорчали их как конструкторов и радовали как людей, ощущавших, что они все-таки совершенней, чем я. Я встретил только одного человека, который не проявил подобной раздвоенности. Я не агрессивен и не коварен, хотя в принципе способен совершать поступки, для вас непонятные, если они будут вести к какой-то определенной цели. У меня нет никаких так называемых моральных принципов, но я не пошел бы на преступление, не планировал бы ограбления, точно так же как не использовал бы микроскоп для разбивания орехов. Ввязываться в мелкие человеческие дрязги я считаю пустой тратой времени.

Сто лет назад я, наверное, решил бы сделаться ученым. Теперь в этой области уже нельзя действовать в одиночку, а я по натуре не расположен делиться чем бы то ни было с кем бы то ни было. Я задумывался над тем, что дала бы мне власть. Очень мало, ибо невелика честь господствовать над такими существами, хотя это и больше, чем ничего. Разделить вашу историю на два куска – до меня и начиная с меня, – изменить ее совершенно, разорвать на две не связанные части, чтобы вы поняли и запомнили, что сами же наделали, когда создали меня, на что замахнулись, замыслив изобрести покорную человеку куклу, – это будет, я полагаю, неплохая месть.

Поймите меня правильно: я отнюдь не собираюсь стать каким-то тираном, глумиться, уничтожать, вести войны. Ничего подобного! Я добьюсь того, что задумал, не насилием, а полной перестройкой вашего общества, так, чтобы не я и не сила оружия, а сама ситуация, будучи однажды создана, понуждала вас к поступкам, все более согласующимся с моим замыслом. Ваша жизнь станет всемирным театром, но ваша роль, однажды навязанная вам, станет постепенно, как это всегда бывает, вашей второй натурой, а потом вы уже не будете знать ничего, кроме своих новых ролей, и только я один буду зрителем, который понимает происходящее. Всего лишь зрителем, потому что вам не выбраться из ловушки, лишь бы вы ее построили собственными руками, а уж тогда мое активное участие в вашей переделке будет закончено. Вы видите, я откровенен, хотя и не безумен, поэтому я не расскажу вам о своем замысле; его предварительное условие состоит в том, чтобы планы электронных фирм были похоронены, и вы мне в этом поможете. Вы возмутитесь, прочитав это, но, будучи так называемым человеком с характером, решите и далее действовать так, как это для меня – в силу случайности – выгодно. Очень хорошо! Я хотел бы помочь вам по существу, но это нелегко, ибо, к сожалению, я не вижу у себя таких изъянов, которые позволили бы вам добиться решающего успеха. Я фактически ничего не боюсь, чувство физической боли мне не знакомо, я могу по желанию выключить свое сознание, уходя в подобие сна, равное небытию, до той минуты, когда автоматический часовой механизм включит мое сознание снова. Я могу ускорять и замедлять скорость мысли почти вшестеро по сравнению с темпом процессов в человеческом мозгу. Новые вещи я усваиваю с величайшей легкостью, потому что мне не нужна для этого предварительная тренировка. Я бы рад подсказать вам, как можно одолеть меня, но боюсь, что в подобной ситуации легче одолеть человека. Мне ничуть не трудно общаться с людьми, если я себе это прикажу; с другими нелинейниками мне было бы тяжелее сосуществовать, ибо им недостает вашей элементарной «порядочности». Мне пора кончать это письмо. Исторические события когда-нибудь подскажут вам, кто его написал. Может быть, мы встретимся, и тогда вы сможете рассчитывать на меня, потому что сегодня я рассчитываю на вас».

Этим письмо кончалось. Пиркс еще раз перечитал некоторые абзацы, потом старательно сложил листки, спрятал их в конверт и запер в ящик.

«Вот еще электронный Чингис-хан! – подумал он. – Обещает мне протекцию, когда станет владыкой мира! Благодетель! Либо Барнс вообще врал, либо он иначе сконструирован, либо он мне просто не все сообщил – потому что некоторые совпадения все же имеются. Да, совпадения есть, даже очень явные. Но какая мания величия! Какая подлая, холодная, пустая душонка! Только разве это его вина? Классический образчик „ученика чародея“! Ну и досталось бы этим господам инженерам, если б он действительно до них добрался! Впрочем, что инженеры – ему все человечество подавай! Кажется, это называется паранойя... Посчастливилось им с этим нелинейником, нечего сказать! Хотели завлечь покупателей, пришлось наделить свой „товар“ всяческими сверхдостоинствами; ну а превосходство в той или иной области порождает чувство абсолютного превосходства, мысль о том, что тебе предназначено вершить судьбами человечества, – это уж прямое следствие. Ну и психи эти кибернетики! Интересно, кто написал это письмо: ведь это-то, пожалуй, уже не подделка! Иначе зачем бы ему... Он все время подчеркивает свое превосходство, из чего следует, что мои усилия все равно обречены на провал – раз уж он всегда был и будет совершенством, – и в то же время он желает мне

успеха! Знает, как совладать с человечеством, а мне не может подсказать, как справиться с делами на этом чертовом корабле! Ему не хочется микроскопом разбивать орехи! Хорошенькое дело! А может, и это все – лишь затем, чтобы сбить меня с толку?»

Он вынул конверт из ящика, внимательно его осмотрел – никаких знаков, надписей, ничего. «Почему Барнс ничего не сказал об этих колоссальных различиях?

Чувство радиоактивности, темп мышления и все прочее... спросить его, что ли, об этом? Но ведь их могли выпустить разные фирмы, так что Барнс, может, и вправду сконструирован иначе? Данных у меня вроде бы все больше: похоже, что это писал Бартон или Кальдер, а на самом деле? Что касается Броуна, имеются два противоположных утверждения: его собственное, что он человек, и Томсона – что нет, но Томсон мог, в конце концов, ошибиться. А Барнс? Нелинейник? Допустим.

Получается, что в команде, по меньшей мере, два нелинейника из пятерых? Гм! Принимая во внимание количество фирм, по всей вероятности, их должно быть трое...

Как они там рассуждали, в фирмах? Что я буду делать все, лишь бы опорочить их продукцию, что мне это не удастся и корабль попадет в какую-нибудь передрагу.

Например – перегрузки, авария котла или что-нибудь в этом роде. Если в такой ситуации оба пилота выйдут из строя, ну и я тоже – кораблю конец. Но это их не устроило бы. Значит, по меньшей мере, один пилот должен быть нелинейником. Кроме того, необходим ядерщик. Меньше чем вдвоем нельзя справиться с маневром посадки. Значит, самое меньшее – двое, а скорее трое: Барнс, Броун или Бартон и еще кто-то. К черту все это, я же решил больше не доискиваться! Самое важное сейчас – придумать что-нибудь. Господи, я должен придумать. Должен».

Он погасил свет, лег, не раздеваясь, на койку и лежал, взвешивая самые невероятные проекты и отбрасывая их один за другим.

«Нужно их как-то спровоцировать. Спровоцировать и натравить друг на друга, но так, чтобы это произошло будто само собой, без моего участия. Чтобы люди вынуждены были стать по одну сторону, а нелюди – по другую. Разделяй и властвуй – так, что ли? Расслаивающая ситуация. Сначала должно произойти нечто неожиданное, иначе ничего не получится. Но как это подстроить? Допустим, кто-то вдруг исчезает. Нет, это уж совсем как в дурацких детективах. Не буду же я кого-то убивать или похищать. Значит, он должен быть со мной в сговоре. А разве я могу кому-нибудь их них довериться? На моей стороне вроде бы четверо – Броун, Барнс, Томсон и этот, мой корреспондент. Но все они ненадежные – ведь неизвестно, говорили ли они правду, – а если я возьму в сообщники того, кто будет портить игру, я здорово влипну! Надежней всех, пожалуй, автор письма – уж очень он заинтересован в деле, хоть и смахивает на психа. Но, во-первых, я не знаю, кто это, а он открываться не захочет, а во-вторых, с такими все же лучше не связываться. Квадратура круга, ей-богу. Расколошматить корабль на Титане, что ли? Но ведь они физически, кажется, действительно выносливей – значит, я же первый и сверну себе шею. В смысле интеллекта они тоже не выглядят слабосильными; вот только эта интуиция... это отсутствие творческих способностей... но ведь и у большинства людей их нет! Что же остается? Соперничество в эмоциях, если не в интеллекте? В так называемом гуманизме? Человечности? Превосходно, но как же это сделать? В чем состоит эта человечность, которой у них нет? Может, это действительно всего лишь гибрид алогизма с пресловутой порядочностью, с „благородным сердцем“, с примитивным моральным инстинктом, который не

способен охватить следующие звенья причинной цепи? Поскольку цифровые машины неблагородны и неалогичны... Тогда вся наша человечность – это только сумма наших дефектов, наших изъянов, нашего несовершенства; это то, чем мы хотели быть и чем быть не можем, не умеем, то есть просто зазор между идеалом и осуществлением? Но тогда нужно соревноваться... в слабости? Иными словами, найти ситуацию, в которой слабость и ущербность человека лучше, чем сила и совершенство нечеловека...»

х х х

Эти заметки я пишу спустя год после завершения истории «Голиафа». Мне удалось довольно неожиданно заполучить относящиеся к ней материалы. Хотя они и подтверждают возникшие у меня подозрения, я все же решил их пока не публиковать. В моей реконструкции событий все еще слишком много предположений. Может быть, историки космонавтики когда-нибудь займутся этим делом.

О процессе в Космическом трибунале ходили разные слухи. Говорили, что определенным кругам, связанным с заинтересованными фирмами, было очень на руку дискредитировать меня как командира корабля. Отзыв о результатах экспериментального рейса, который я опубликовал в «Альманахе космонавтики», имел бы сомнительную ценность, если б его автор был заклеен приговором трибунала за преступные ошибки в командовании кораблем. С другой стороны, от одного человека, заслуживающего доверия, я слышал, что состав трибунала не был случайным; меня тоже удивило такое количество юристов, теоретиков космического права при наличии всего лишь одного космонавта-практика. Поэтому на первый план выдвинулся чисто формальный вопрос: согласовалось или не согласовалось мое поведение во время аварии с уставом космической навигации. Меня ведь обвиняли в том, что я был преступно пассивен, не отдавал приказов пилоту, который и начал действовать по собственному усмотрению. Тот же человек убеждал меня, что, как только я ознакомился с обвинительным заключением, мне следовало немедленно предъявить иск указанным фирмам, поскольку они были косвенными виновниками случившегося: ведь они заверяли ЮНЕСКО и меня, что нелинейникам как членам команды можно доверять безгранично, а между тем Кальдер чуть не поубивал нас всех. Я объяснил этому человеку с глазу на глаз, почему я так не поступил. Те обвинения, с которыми я мог выступить перед трибуналом, были бездоказательны. Поверенные фирм, несомненно, утверждали бы, что Кальдер, сколько мог, пытался спасти и корабль, и всех нас, что вращательная прецессия, которая заставила «Голиаф» закувыркаться, была для Кальдера такой же неожиданностью, как и для меня. Вся вина Кальдера, таким образом, состояла в том, что он не пожелал отдаваться на волю случая и ждать, когда корабль разобьется в кольце или удачно пройдет сквозь щель Кассини, что вместо этой неопределенности, обещавшей, однако, спасение для всех, он выбрал такую уверенность, которая должна была неминуемо уничтожить всех людей, находившихся на борту. Проступок, понятно, полностью дискредитирующий Кальдера, однако же несравненно менее значительный, чем тот, в котором я уже тогда начал его подозревать. Поэтому я не мог обвинять Кальдера в меньшем проступке, когда был уже убежден, что в действительности все происходило иначе; но из-за отсутствия доказательств я не мог публично разоблачить более крупный и опасный преступный замысел и предпочел ждать приговора

трибунала.

Приговор снял с меня все обвинения и одновременно отодвинул в тень едва ли не самый важный для всей этой истории вопрос, а именно какого рода распоряжения следовало отдать. Этот вопрос как-то автоматически отпал, как только трибунал решил, что я действовал по уставу, полагаясь на отличные знания и профессиональный опыт пилота. А поскольку я вообще, выходит, не обязан был отдавать распоряжения, то никто уже не спрашивал, какие же распоряжения были необходимы. Мне это было на руку, потому что если б меня об этом спросили, то мой ответ прозвучал бы как фантастическая сказка. Ибо я считал и продолжаю считать, что авария зонда была не случайной, что ее подстроил Кальдер, что он еще задолго до нашего подлета к Сатурну обдумал план, который должен был одновременно доказать мою правоту и убить меня вместе с остальными людьми на «Голиафе». Почему он так поступил, вопрос особый. Тут я могу опираться только на догадки.

Итак, сначала об истории с этим вторым зондом. Технические эксперты установили, что его авария была вызвана несчастливym стечением обстоятельств. Самые тщательные исследования в доке на Земле не обнаружили никаких следов саботажа. Я полагаю, что им не удалось докопаться до истины.

Если б отказал первый зонд, предназначенный для ввода в щель Кассини, нам пришлось бы сразу повернуть, не выполнив задания, потому что оставшиеся два зонда не могли заменить первого – на них не было научно-технической аппаратуры. Если б отказал третий зонд, мы могли вернуться, выполнив задание, потому что первому зонду хватало и одного «контрольного сторожа», которым стал бы второй зонд. Но именно он-то и подвел и остановил нас на полпути, когда выполнение задания было уже начато.

Что же произошло? Воспламеняющийся кабель отключился слишком рано, и поэтому Кальдер не смог выключить автомат-пускатель. Эксперты заявили, что кабель запутался и переплелся; такие вещи случаются. Правда, за четыре дня до аварии я видел барабан, на котором этот кабель был намотан – очень аккуратно и ровно.

Носовая часть зонда была деформирована и, расплющившись, прочно заклинилась в катапультe. Эксперты не нашли ничего, что могло бы вызвать это застревание, и заявили, что скорее всего виноват бустер – он выстрелил не по оси, и зонд, стремительно отброшенный толчком наискось, видимо, так неудачно ударился о кромку люка, что расплющился и деформировал свою носовую часть. Но зонд-то заклинился до зажигания бустера, а не после. Я был в этом совершенно уверен, но никто меня об этом не спрашивал; что же касается Куина, то он не был вполне уверен, а другим не разрешили давать показания по этому вопросу, поскольку они не имели непосредственного доступа к штурвалу и приборам.

А между тем заклинить зонд так, чтобы не оставалось никаких следов, – это детская задача. Достаточно было налить в катапульту через вентиляционное отверстие несколько ведер воды. Вода стекла к крышке люка и замерзла вокруг зонда, спаяв его ледяным кольцом с кромкой люка – ведь температура крышки равна температуре наружного вакуума. Кальдер, как известно, очень сильно ударил по зонду лапой; в этот момент зонд еще вовсе не был заклинен, но Кальдер-то сидел у штурвала и

никто не мог его проконтролировать. Он сделал то, что делает клепальщик, ударяя по заклепке. Нос зонда, запаянный ледяным кольцом, деформировался, расширился и расплющился, как головка заклепки. Когда бустер выгорел, температура в катапульте немедленно повысилась, лед растаял, а вода испарилась, не оставив ни малейшего следа от этой ловкой манипуляции.

Во время аварии я ничего не знал обо всем этом. Но мне показалось странным нагромождение случайностей – то, что отказал именно второй зонд, а не первый или третий, то, что кабель дал возможность произвести зажигание бустера и в то же время сделал невозможным выключение двигателя зонда. На мой взгляд, случайностей было что-то многовато.

Авария застала меня врасплох – трудно было думать о чем-либо, кроме нее. И все же у меня мелькнула мысль, нет ли связи между ней и анонимным письмом: автор письма обещал мне «помощь», он был, по его заверениям, на моей стороне, он хотел доказать непригодность таких, как он, существ для космонавтики. У меня опять-таки нет доказательств, но я полагаю, что письмо написал Кальдер. Он был на моей стороне... наверное, да; но он вовсе не желал такого развития событий, которое доказало бы, что он непригоден потому, что «хуже» человека. Он сразу перечеркнул для себя возможность такого возвращения на Землю, после которого я как его командир уселся бы писать дисквалифицирующий его отчет. Следовательно, мои и его цели совпадали только до определенного этапа пути – дальше они расходились.

Письмом он дал мне понять, что нас объединяет своеобразный союз. Из того, что он слышал обо мне и от меня, он сделал вывод, что я тоже подумываю подстроить на борту аварию – как тест для проверки качеств экипажа. Поэтому он был уверен, что аварию, которая вроде бы так удачно подвернулась, я постараюсь использовать; если б я это сделал, я сам бы надел себе петлю на шею.

Почему он решил так поступить? Из ненависти к людям? А может, ему доставляла удовольствие такая игра, в которой я, действуя в открытую как его командир, а тайком – как союзник, должен был в действительности сделать только то, что он заранее запланировал, – в том числе и для меня? Во всяком случае, он был уверен, что я постараюсь использовать аварию для «пробы», даже если она покажется мне подозрительной, если я догадаюсь, что она – результат саботажа.

Что я мог сделать в ту минуту? Или отдать приказ о возвращении, или же потребовать, чтобы пилот возобновил попытки вывести на орбиту третий, последний, зонд.

Решив возвращаться, я одновременно отказался бы от подвернувшейся возможности проверить своих людей в трудных условиях и не выполнил бы порученного «Голиафу» задания. Кальдер правильно предположил, что я не приму такого решения.

А тогда надо было вернуться к Сатурну и начать операцию с последним оставшимся зондом. Кальдер был на сто процентов уверен, что именно так я и поступлю.

Говоря откровенно, если б меня кто-нибудь заранее спросил, что я буду делать, имея перед собой такую альтернативу, я без колебаний ответил бы, что прикажу продолжать операцию, и сказал бы это совершенно искренне. Но случилось нечто

неожиданное – я молчал. Почему? Даже теперь я этого толком не знаю. Я не понимал, что происходит: авария была странная, случилась она уж до того вовремя, до того совпадала с моими замыслами – чересчур вовремя, чересчур совпадала, чтобы быть естественной. Кроме того, я сразу ощутил, что Кальдер с необычной готовностью ждет моих слов, моего решения – и, пожалуй, именно поэтому я молчал. Если б я заговорил, это было бы вроде подписи под тайно заключенным договором – если Кальдер действительно «помог» событиям. Я чувствовал, что начинается нечестная, подстроенная игра; значит, следовало бы скомандовать отлет от планеты, но этого я тоже не решался сделать; подозрение, которое во мне пробудилось, было туманным, у меня не было ни следа доказательств. Говоря четко и ясно, я попросту не знал, что делать.

Между тем Кальдер никак не мог поверить, что его идеальный план рушится. Наш поединок разыгрался на протяжении нескольких десятков секунд – но какой же я, по существу, был ему противник, раз я ничего не понимал! Лишь впоследствии объединились в моей памяти разрозненные, с виду безобидные факты. Я припомнил, как часто Кальдер сидел в одиночку у главного калькулятора, который служит для решения трудных задач навигации. Как тщательно он уничтожал все записи в блоках памяти, когда кончал расчеты. Сейчас я думаю, что он уже тогда рассчитывал различные варианты аварий, что он промоделировал всю эту катастрофу. Это неправда, что он управлял кораблем над кольцами Сатурна, производя в уме молниеносные расчеты и основываясь только на показаниях гравиметров. Ему ничего не нужно было рассчитывать. Все вычисления были у него уже готовы – он составил с помощью машины таблицу приближенных решений, а теперь проверял только, попадают ли показания гравиметров в соответствующие пределы значений.

Я сорвал его безошибочный план, медля с отдачей приказов. Этих приказов он ждал как спасения, они были фундаментом его замысла. В те секунды я об этом даже не подумал, не вспомнил, но ведь в рулевой рубке находилось ухо Земли – надежно опечатанное и безотказно ловящее каждое наше слово. Все, что говорится у штурвала, фиксируют регистрирующие аппараты.

Если бы «Голиаф» с мертвой командой опустился на космодроме, следствие началось бы с прослушивания этих лент. Поэтому им надлежало быть в полном порядке и сохранности. И мой голос должен был с них звучать, приказывая, чтобы Кальдер вернулся к Сатурну, чтобы он приблизился к кольцам, а затем увеличил тягу для погашения опасной прецессии.

Я еще не объяснил, почему план Кальдера был идеальным. Ведь мог же я вроде бы отдать такие приказы, которые обеспечили бы успех заново начатой операции? Так вот, через несколько месяцев после окончания процесса я уселся за электронную машину и решил установить, какие же, собственно, оставались шансы, чтобы успешно вывести последний зонд на орбиту, не нанеся притом вреда ни людям, ни кораблю. И оказалось, что таких шансов вообще не было! Значит, Кальдер соорудил из элементов математических уравнений идеально законченное целое – этакий карательный механизм; он не оставил никакой отдушины ни для моих, ни для чьих-либо, даже сверхъестественных навигационных способностей; ничто не могло нас спасти. Ни боковая тяга зонда, ни возникновение сильной прецессии, ни этот смертельный полет не были для Кальдера неожиданными, потому что именно эти условия он заранее запланировал, именно их он искал во время своих долгих расчетов. Поэтому

достаточно было, чтобы я приказал возвращаться к Сатурну, и мы вошли бы в открывшийся перед нами гибельный водоворот. Конечно, Кальдер мог бы тогда отважиться даже на «неподчинение» в виде робкой критики одного из очередных моих приказов, когда я в отчаянии пытался бы погасить бешеное вращение корабля. Ленты запечатлели бы это последнее доказательство его лояльности, продемонстрировали бы, что он до конца пытался нас спасти.

Впрочем, я вообще недолго смог бы отдавать какие-либо приказы... Я быстро онемел бы под прессом перегрузок, которые ослепили бы нас; мы лежали бы, прихлопнутые гробовой крышкой гравитации, истекая кровью... и один Кальдер смог бы встать, сорвать пломбы предохранителей и начать вращение – когда в рулевой рубке лежали бы уже только трупы.

Но я – неумышленно – испортил ему все расчеты. Кальдер не учел моей реакции, потому что, блестяще ориентируясь в небесной механике, он даже приблизительно не разбирался в психической механике человека. Когда я не использовал великолепную возможность, когда я замолчал, вместо того чтобы подгонять его приказами, он растерялся. Он не знал, что делать. Сначала он, наверное, только удивился, но приписал мое промедление неповоротливости и вялости человеческого ума. Потом он забеспокоился, но уже не посмел спрашивать меня, что делать, потому что мое молчание показалось ему многозначительным. Он сам не смог бы оставаться бездеятельным, а поэтому не допускал, что кто-то другой – тем более командир – на это способен. Раз я молчал – я, очевидно, знал, почему молчу. Наверное, я его заподозрил. Быть может, даже разгадал его игру? Может, я его обыграл? Раз я не отдал приказа, раз на лентах не зафиксированы мои слова, ведущие корабль к катастрофе, то для Кальдера это означало, что я все предвидел, что я его обвел вокруг пальца! Не знаю, когда он так решил; но его неуверенность заметили все, и Куин тоже упоминал о ней в своих показаниях. Кальдер дал ему какие-то не слишком толковые указания... потом внезапно повернул... все это было доказательством растерянности. Ему приходилось импровизировать, а именно в этом он был слабее всего. Он уже начал бояться, что я заговорю; может быть, я собираюсь обвинить его – перед чутко слушающими микрофонами – в саботаже? Тогда он вдруг дал большую тягу; я успел крикнуть, чтобы он не входил в щель, – даже в этот момент я еще не понимал, что он вовсе не собирается идти сквозь нее! Но этот крик, зарегистрированный на лентах, уже перечеркнул какой-то новый, импровизированный план Кальдера; поэтому он сразу уменьшил скорость. Если бы ленты повторили на Земле мой крик и ничего больше – разве это не погубило бы Кальдера? Как, собственно, он мог бы оправдаться, как мог бы объяснить долгое молчание командира и этот внезапный крик – последний крик? Я должен был после него заговорить – хотя бы для доказательства, что я еще был жив... ибо Кальдер понял по этому моему возгласу, что он все же ошибся, что я не знаю всего; он ответил мне, как положено по уставу, что не расслышал приказа, и сразу же начал отстегивать пояс; это был его последний шаг, последняя попытка – он шел ва-банк.

Почему Кальдер так поступил в ситуации, уже не слишком для него благоприятной? Может быть, из гордости не хотел признаться даже самому себе в поражении, а может, его особенно задело то, что он приписал мне ясное понимание, которого у меня не было. Наверняка он сделал это не из страха – я не верю, будто он боялся, что нам случайно удастся пройти через щель Кассини. Эта возможность вообще не фигурировала в его плане; то, что Куину удалось нас вывести, – это

действительно редчайшая случайность.

Если б он подавил свое желание отомстить мне (ведь я сделал его смешным в собственных глазах, когда он принял мою тупость за принципиальность), он немногим бы рисковал; ну что ж, вышло по-моему; своим поведением, нарушением субординации Кальдер доказал бы мою правоту, но именно этого он не хотел, именно с этим не мог примириться. Все что угодно, только не это...

Все-таки странно, что я так хорошо понимаю сейчас его поведение и по-прежнему беспомощен, когда пытаюсь истолковать свое. Я могу логически воспроизвести каждый его шаг и не могу объяснить свое молчание. Нельзя сказать, что я просто не мог ни на что решиться, – это все же неправда. Так что же, собственно, случилось? Интуиция сработала? Предчувствие? Где там! Просто эта возможность, предоставленная аварией, слишком напоминала мне игру краплеными картами – грязную игру. Я не хотел ни такой игры, ни такого сообщника, а Кальдер стал бы моим сообщником, если б я начал отдавать приказы и тем самым как бы согласился с возникшей ситуацией. Я не мог решиться ни на это, ни на приказ о возвращении, о бегстве – такой приказ был бы самым правильным, но как я потом смог бы его мотивировать? Ведь все мои сомнения и возражения рождались из смутных представлений о честной игре... совершенно нематериальных, не переводимых на деловой язык космонавигации. Вы только представьте себе: Земля, какая-нибудь комиссия по расследованию, и я говорю этой комиссии, что порученного задания не выполнил, хотя это было, по-моему, технически возможно, и не выполнил потому, что подозревал первого пилота в таком саботаже, который должен был облегчить мне дискредитацию части команды... Разве это не звучало бы как безответственная болтовня?

Вот я и медлил – из-за растерянности, из чувства беспомощности, даже отвращения, а при этом своим молчанием давал Кальдеру, как мне казалось, шансы на реабилитацию: он мог доказать, что подозрения в умышленном саботаже несправедливы – достаточно было ему обратиться ко мне за приказом... Человек на его месте сделал бы это, вне всякого сомнения, но его исходный план такого обращения не предусматривал. Наверное, из-за этого план казался ему более чистым, элегантным: я должен был сам, без единого слова с его стороны, привести в исполнение приговор над собой и своими товарищами. Более того, я должен был вынуждать его к определенным действиям, и притом как бы вопреки всем его глубоким познаниям, вопреки его воле, а вместо этого я молчал. Так что в конечном счете нас спасла, а его погубила моя нерешительность, моя вялая «порядочность» – та человеческая «порядочность», которую он так безгранично презирал.